Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

(20 марта 2018 г.)

Выпуск 14

Омск
ОМА МВД России
2018

УДК 34 (082)
ББК 67в=67я54
П71

Преимственность и новации в юридической науке : мат-лы
П71 всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск,
20 марта 2018 г.) / отв. за вып. канд. юрид. наук И. В. Сидорова. —
Омск : Омская академия МВД России, 2018. — Вып. 14. — 120 с.

ISBN 978-5-88651-696-8

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей Омской академии МВД России и других юридических вузов. Освещается широкий круг теоретических и практических проблем развития права.

Издание адресовано адъюнктам образовательных и научно-исследовательских организаций МВД России.

УДК 34 (082)
ББК 67в=67я54

ISBN 978-5-88651-696-8

© Омская академия МВД России, 2018

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ;
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Я. А. Антонов

(Барнаульский юридический институт МВД России)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ПОЛИЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОСОБОГО
ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ОПЕРАЦИИ**

Терроризм на протяжении последних десятилетий является одной из наиболее острых и актуальных проблем не только всего мирового сообщества в целом, но и Российской Федерации в частности, так как он представляет большую угрозу безопасности государства, а следовательно, и граждан. Последствия терроризма оказывают значительное деструктивное влияние практически на все права и свободы человека и гражданина. На современном этапе вопрос обеспечения прав и свобод граждан в деятельности подразделений полиции в условиях введения особого правового режима контртеррористической операции является актуальным в связи с тенденцией совершения беспрецедентных по своему масштабу и жестокости терактов.

Преступления террористической направленности — это противоправные деяния, имеющие наибольшую степень общественной опасности. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина сотрудниками подразделений полиции на территории совершения или угрозы совер-

шения террористического акта требует проведения комплекса уголовно- и административно-процессуальных, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на предотвращение, документирование, раскрытие и расследование данных деяний и устранение общественно опасных последствий, а также реализацию данных мер и мероприятий в полном объеме при введении на территории особого правового режима контртеррористической операции всеми подразделениями МВД России, находящимися на данной территории, непосредственно по своим специфическим направлениям и участкам работы. В особых условиях деятельность подразделений полиции подчинена устранению негативных последствий террористического акта криминогенного и техногенного характера, а также пресечению противоправной деятельности незаконных вооруженных формирований.

Подразделения полиции в условиях действия особого правового режима контртеррористической операции играют наиболее значимую роль в защите и обеспечении прав и свобод человека и гражданина в силу специфичности и правоохранительной направленности решаемых ими оперативно-служебных задач.

Во-первых, в зоне контртеррористической операции подразделения полиции продолжают осуществлять свои обычные служебные функции, возложенные на них Федеральным законом «О полиции»*, с учетом того, что после совершения теракта появляются благоприятные условия криминогенного характера, стимулирующие и провоцирующие преступное противоправное поведение. В силу этого конституционные права человека на жизнь и здоровье, неприкосновенность жилища и свободу передвижения подвергаются явной прямой угрозе.

Во-вторых, подразделения полиции совместно с войсками национальной гвардии принимают активное непосредственное участие в боевых действиях по ликвидации незаконных вооруженных формирований.

В-третьих, в зоне действия особого правового режима контртеррористической операции именно на подразделения полиции возлагаются специальные задачи по охране опасных и жизненно важных объектов, обеспечению пропускного режима.

На основании изложенного представляется возможным резюмировать, что в условиях проведения на территории Российской Федерации контртеррористической операции именно подразделения полиции обла- дают наибольшими из всех органов государственной власти полномо-

* *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ями, но наряду с этим на них возлагается основная нагрузка по обеспечению прав и свобод граждан.

Деятельность подразделений полиции по охране прав и свобод граждан представляет достаточно большой комплекс мероприятий организационного, правового, материально-технического, правового, психологического и иного характера. Желаемого эффекта можно достичь только при условии выполнения их именно в комплексе и в соответствии с законами и подзаконными актами, регламентирующими данную деятельность в условиях особого правового режима.

К. К. Бекмурзинова

(Омская академия МВД России)

ПОНЯТИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Понятие доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения состоит из таких самостоятельных категорий, как «доказывание», «дело об административном правонарушении», «область дорожного движения».

Доказывание в юриспруденции в широком смысле рассматривается как деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств или же как «разновидность процесса познания, способа познания объективной реальности, получения истинного представления о чем-либо»¹.

Термин «доказать» подразумевает деятельность, направленную на подтверждение, доказывающую что-либо, или же деятельность, выводящую какое-нибудь положение на основе умозаключений².

А. А. Пеков определяет юридическое доказывание как осуществляемую в процессуальных формах деятельность органа (лица), правомочно принимать решение по делу, и иных участников процесса правоприменения по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных (сведений), необходимых для всестороннего, полного, объективного выяснения обстоятельств дела и решения задач правоприменительной

¹ Пеков А. А. Доказательства и доказывание по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 51.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2003. С. 47.

деятельности³. Д. В. Горбунов отмечает, что доказывание включает сбор, оценку и использование доказательств⁴.

В доказывании как в самостоятельном виде деятельности выделяются следующие основные элементы: 1) познавательный (информационно-эвристический); 2) коммуникативный (фиксация и обеспечение передачи фактических данных во времени и пространстве); 3) удостоверяющий (подтверждение достоверности фактических данных); 4) обосновывающий (использование доказательств для достижения истины)⁵.

Отметим, что легитимное определение доказывания в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) отсутствует. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) имеется раздел, посвященный доказыванию. В соответствии с УПК РФ оно состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие доказыванию). В статье 26.1 КоАП РФ установлены обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении.

Относительно доказывания по делу об административном правонарушении Ф. П. Васильев указывает, что оно «является разновидностью процесса познания, представляет собой самостоятельную и необходимую деятельность субъектов доказывания в правоприменительной сфере как на месте обнаружения правонарушения, проведения административного расследования, так и по результатам рассмотрения дела уполномоченными лицами»⁶.

Ранее Д. В. Горбунов отмечал: «Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения представляет собой процессуальную деятельность должностных лиц ГИБДД и, в некоторых случаях, судей, а также иных участников производства по делу об административном правонарушении»⁷. Также он подчеркивает, что доказывание осуществляется на всем протяжении производства по делу об административном правонарушении с момента вы-

³ Пеков А. А. Указ. соч. С. 60.

⁴ Горбунов Д. В. Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

⁵ Калмыкова Я. С. Определение доказательств и доказывания в административном судопроизводстве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/opredelenie-dokazatelstv-i-dokazyvaniya-v-administrativnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 15.03.2018).

⁶ Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административном правонарушении : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 10.

⁷ Горбунов Д. В. Указ. соч. С. 9.

явления и непосредственного наблюдения должностным лицом события административного правонарушения и до исполнения вынесенного по делу постановления. Считаем, что предложенная Д. В. Горбуновым характеристика данного понятия не является полной и не отражает всего процесса доказывания.

Что касается термина «дорожное движение», то в соответствии с Федеральным законом «О безопасности дорожного движения»⁷ последнее определяется как совокупность общественных отношений, возникающих в процессе передвижения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дороги.

Таким образом, доказывание по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения — это сложная логическая процедура, осуществляемая уполномоченными лицами в ходе процессуальной деятельности по установлению состава административного правонарушения в общественных отношениях, возникающих в процессе передвижения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дороги, регулируемое государственными органами.

В. В. Бутина

(Омская юридическая академия)

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕДАЧИ ВЕЩИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ

В настоящее время проблема правового регулирования оборота и присвоения недвижимого имущества не утратила своей актуальности. Особое место в указанной процедуре отведено передаче вещи (традиции). Если обязательно-правовой аспект передачи недвижимого имущества сомнению не подвергается, то вопрос о роли традиции в возникновении вещного права по-прежнему вызывает дискуссии¹.

В силу того что право собственности на недвижимое имущество принадлежит государственной регистрации, п. 2 ст. 223 Гражданского кодекса

⁷ О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2018).

¹ Слыщенков В. А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 129.

Российской Федерации (далее — ГК РФ) устанавливает, что указанное право возникает именно с момента такой регистрации. Следовательно, стороны договора лишены возможности своим соглашением изменить момент перехода права собственности на недвижимость, приурочив его, например, к моменту передачи вещи или уплаты покупной цены².

Однако нахождение недвижимой вещи во владении покупателя, по сути, имеет юридическое значение только для сторон, совершивших сделку купли-продажи: согласно п. 1 ст. 556 ГК РФ с момента вручения недвижимости покупателю и подписания сторонами передаточного акта продавец считается исполнившим свою обязанность по передаче товара; с этого момента на покупателя переходит риск случайной гибели или случайного повреждения недвижимого имущества (ст. 459 ГК РФ).

Между тем для третьих лиц указанные обстоятельства ничего не меняют, ведь для них, по смыслу п. 2 ст. 551 ГК РФ, до совершения акта государственной регистрации собственником остается отчуждатель³, хотя судебная практика признает покупателя после передачи ему недвижимой вещи, но до государственной регистрации перехода права собственности законным владельцем, имеющим право на защиту в силу ст. 305 ГК РФ.

По общему мнению, подкрепленному судебной практикой, покупатель не признается обладателем правомочий по распоряжению вещью в связи с тем, что продавец все еще сохраняет право собственности. Таким образом, создается несоответствие статуса собственника и законного владельца, при котором недвижимым имуществом, являющимся предметом сделки до государственной регистрации, в полной мере не может распоряжаться ни один из указанных субъектов.

Однако вопреки распространенной позиции существует и иной подход правоприменителя, признающий в ряде случаев за законным владельцем возможность вводить недвижимое имущество в гражданский оборот. Об этом, в частности, свидетельствует возможность покупателя заключать договор купли-продажи недвижимости, переход права собственности на которую еще не зарегистрирован в установленном законом порядке⁴.

² *Хаскельберг Б. Л.* Приобретение права собственности по договору на недвижимое имущество // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 267. С. 97–101.

³ *Шеметова Н. Ю.* Переход права на недвижимое имущество в российском законодательстве // Право и экономика. 2014. № 12. С. 112.

⁴ *Полежаев О. А.* Право собственности на недвижимое имущество: проблема определения правообразующего юридического факта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4(49). С. 116–118.

Тем не менее, несмотря на очевидно существенную роль традиции в возникновении вещного права, законодатель все же связывает момент перехода права собственности на недвижимое имущество с актом государственной регистрации, что порождает существенные проблемы в правоприменении. Одной из них является ситуация, при которой собственник заключает договор купли-продажи дважды, передавая первому приобретателю фактическое владение недвижимой вещью, а второму — оказывая содействие в регистрации перехода права собственности на недвижимость.

При указанных обстоятельствах получается, что первый приобретатель не может получить вещное право, а второй — объект недвижимости, являющийся предметом договора. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ «если продавец заключил несколько договоров купли-продажи в отношении недвижимого имущества, суд удовлетворяет иск о государственной регистрации перехода права собственности того лица, во владение которого оно передано»⁵. Это еще раз доказывает важность передачи вещи в процессе перехода прав на недвижимость.

Подводя итог, отметим существенное значение традиции в определении момента перехода права собственности. Именно с передачей вещи необходимо связывать возникновение вещного права у приобретателя. Акт государственной регистрации лишь подтверждает состоявшийся переход права собственности, и его отсутствие не может повлиять на действительность сделки по отчуждению имущества. По такому пути, предполагается, пойдет реформирование законодательства о вещных правах. В пункте 2 ст. 247 Проекта Федерального закона № 47538-6 предусматривается, что «право собственности на недвижимую вещь, приобретенную по сделке, может быть зарегистрировано только за ее владельцем, если иное не установлено законом»⁶.

⁵ *О некоторых* вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Рос. газета. 2010. 21 мая.

⁶ *О внесении* изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект Федерального закона № 47538-6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

С. О. Волк-Леонович

(Омская академия МВД России)

О ВЛИЯНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА НА ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В первой трети XIX в. исторической школой права была предложена «научно-исследовательская программа», включавшая ключевые идеи, открывающие значительный потенциал для исследования государственно-правовых явлений: 1) идея о том, что право — это результат исторического процесса, воспроизводимого в традиции и передаваемого от поколения к поколению (право имеет свое начало, динамически изменчиво, формируется поступательно в течение определенного времени, имеет свое завершение, неразрывно связано с историей конкретного народа; право не зависит от воли и разума конкретного отдельного лица, является «целостным прошлым нации»)¹; 2) идея о государстве как о выражении народного духа вовне, неразрывной связи права и государства (с появлением государства, воспринимаемого как единство нации в видимой и органической форме, задаются четко определенные границы единства нации, возникновение государства является формирующей силой, идущей изнутри нации подобно праву; создание государства — это высшая ступень творения права²; 3) идея об исследовании позитивного права в культурном контексте, исходя из уникальности нации, рассматриваемой на определенном этапе своего развития (что, по сути, предполагает герменевтические основания учения исторической школы права); 4) идея об историческом подходе, посредством которого государственно-правовые явления предполагалось рассматривать на разных стадиях их эволюции, устанавливая при этом начальное и последующее изменения (что позволяло обнаруживать и сопоставлять уровни в развитии государства, фиксировать произошедшие изменения и определять тенденции развития); 5) идея о необходимости обращения к эмпирическому уровню исследования, без которого невозможно изучение эволюции социальных институтов, в рамках которых действует позитивное право (только так можно раскрыть органические принципы права, постигнуть его внутреннее единство).

¹ Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. М., 2011. Т. I. С. 212.

² Там же. С. 216.

В Российской империи проводником идей исторической школы права стал Дерптский университет, с которыми связаны имена таких выдающихся ученых, как И. Ф. Г. Эверс и А. М. Ф. Рейц.

И. Ф. Г. Эверс был выпускником Геттингенского университета, откуда и началось победное шествие исторической школы права. Как ученый И. Ф. Г. Эверс сформировался под влиянием немецкой исторической школы права (А. Шлецер, А. Геерен, К. Савиньи, К. Эйхгорн). В сферу научных интересов И. Ф. Г. Эверса входило исследование древнейшего периода истории Российской империи. Реализуя подход исторической школы права, ученый изучал вопросы образования на Руси государства, государственных и правовых институтов. В качестве предмета исследования И. Ф. Г. Эверс полагал внутреннее состояние народа и его внешнюю деятельность, источником знания выступали юридические памятники. Наиболее полным образом концепция И. Ф. Г. Эверса нашла свое отражение в монографическом исследовании «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», в котором на основе родовой теории обосновывается органическая концепция возникновения Российского государства. В работах Эверса впервые получает развитие исследование государственных и правовых институтов Древней Руси. Трактовка государства во многом перекликается с идеями немецкой исторической школы права, поскольку также представлена как продукт эволюционного развития общества, а не следствие деятельности личности³. И. Ф. Г. Эверс сформулировал концепцию исторического процесса, ход которого обосновал естественными причинами, выведенными из потребностей общества, например защиты от «иноплеменников»⁴; переходы от одного состояния общества к другому происходят, с точки зрения автора, эволюционным путем. Согласно изложенным выше положениям исторической школы право рассматривалось исследователем как отражение определенных отношений, определяемых бытом народа, развитие которых и составляло историю Российского государства. В соответствии с родовой теорией, предложенной ученым, объяснялись институты государственной власти, осуществляемые главой семейства на основе патриархального авторитета, монархия была производна от отцовской власти.

Взгляды А. М. Ф. Рейца изложены в монографическом исследовании «Опыт истории российских государственных и гражданских законов». Идеи, положенные в основу исследования, близки идеям исторической школы права и взглядам И. Ф. Г. Эверса. Применяя исторический подход и

³ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии СПб., 1835. С. 12, 14, 44.

⁴ Там же. С. 2.

рассматривая право в связи с внутренним состоянием определенной социальной общности, ученый изучал отношения между удельными князьями в контексте родовых отношений, что позволяло определить форму Древнерусского государства как «союзное»⁵. Исследуя институты государственной власти, Рейц рассматривал Великого князя как военного предводителя и верховного судью в спорах между младшими князьями, которые в своих уделах оставались суверенными правителями⁶. В качестве регулятора отношений между князьями он указывал обычай и договор⁷. Договорные отношения предполагали равенство и независимость всех князей⁸. Рейц одним из первых исследовал такой институт государственной власти, как снем, видя в нем следствие упадка власти великих князей.

Вышеуказанные работы в дальнейшем неоднократно цитировались российскими юристами и историками, а оригинальные идеи, предложенные Эверсом и Рейцем, легли в основу российской юридической школы как государственного, так и общинного направлений, послужив своеобразным шлюзом для передачи наследия исторической школы права. Новый исторический подход в исследовании права и государства создал принципиально новые возможности в исследовании Древнерусского государства, что позволило отказаться от описательного характера государственно-правовых явлений в научных исследованиях, раскрыть природу и причины становления Древнерусского государства, его развитие, закономерности смены форм государства, определив роль исторической школы права как методологического фундамента.

Значимость указанных работ хорошо иллюстрируется цитатой А. Г. Станиславского: «Для истории русского законодательства в первые тридцать лет настоящего столетия сделали более других профессора Дерптского университета: Мютель, Нейман и, в особенности, И. Ф. Г. Эверс и А. М. Ф. Рейц. Несмотря на успехи историко-юридической критики и богатство материалов нашего времени, Эверсово Древнейшее право руссов и Рейца Опыт истории российских государственных и гражданских законов занимают самое видное место в ряду исследований об истории русского законодательства и останутся навсегда настольными книгами каждого юриста»⁹.

⁵ Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 28.

⁶ Там же. С. 87–88.

⁷ Там же. С. 22, 28.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Цит. по: Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Законодательство. 2007. № 5. С. 83–89.

Е. М. Денисенко

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

В настоящее время в отраслях публичного права часто отмечается злоупотребление. Вызвано это прежде всего пренебрежительным отношением должностных лиц к правам и законным интересам граждан, а также желанием использовать права, предусмотренные законодательством, в корыстных интересах. Однако основная причина, на наш взгляд, заключается в том, что законодатель уделил этому вопросу недостаточное внимание и не обозначил жесткие рамки дозволенного поведения при реализации тех или иных интересов, рассчитывая лишь на правосознание и правовую культуру людей.

Если в цивилистической науке понятие злоупотребления правом получило доктринальную разработку и юридическое определение (имеются признаки, его характеризующие, присутствует правовая основа применения в практической деятельности), то в публичном праве это все еще весьма противоречивая правовая категория.

Известный теоретик цивилистической науки В. П. Грибанов дает весьма содержательное определение понятию «злоупотребление правом». С точки зрения автора, это «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках разрешенного ему законом общего типа поведения»¹.

Исходя из данного определения можно сделать вывод, что злоупотребление правом есть категория, относящаяся к частному праву, поскольку его нормы носят диспозитивный характер. Отметим следующие признаки злоупотребления правом, свойственные цивилистической концепции его разработки:

- 1) под злоупотреблением в буквальном смысле слова следует понимать «употребление во зло», т. е. причиняющее вред действие (бездействие), осуществляемое с использованием некоторого средства²;
- 2) при злоупотреблении гражданскими правами управомоченный субъект допускает недозволенное использование своего права, но при этом «внешне опирается на субъективное право»³;

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 63.

² Емельянов В. Понятие злоупотребления гражданскими правами // Законность. 2000. № 11. С. 20.

³ Барум И. О. О статье 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 118.

3) злоупотребление правом связано не с содержанием субъективного права, а с его осуществлением;

4) о злоупотреблении правом можно говорить лишь тогда, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права;

5) будучи гражданским правонарушением, злоупотребление правом представляет собой противоправное и виновное поведение⁴.

Исходя из этих признаков, В. С. Белых дает следующее определение злоупотреблению правом: это «гражданское виновное правонарушение, совершаемое управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права с использованием недозволенных конкретных форм в рамках разрешенного ему законом общего типа поведения»⁵.

Следует заметить, что данная категория получила распространение и в нормах публичного права, но, в отличие от теории гражданского права, отсутствует универсальное определение, которое было бы применимо ко всем отраслям публичного права.

Если проводить аналогии, то можно предложить следующее определение злоупотребления правом, применимое к отраслям публичного права: это такая реализация прав, предоставленных субъекту публично-правового отношения, которая вступает в прямое или косвенное противоречие с его назначением и влечет вред человеку, обществу или государству.

Ключевое отличие данного определения состоит в том, что в нем указано, что злоупотребление правом наносит вред не только отдельно взятой личности, но и всему обществу в целом и государству, поскольку под угрозу ставится реализация законных интересов граждан. Кроме того, в гражданском праве злоупотребление правом заключается в том, что субъект использует недозволенные формы поведения в рамках разрешенных методов, а в нормах публичного права рассматриваемые нарушения вступают в прямое противоречие с назначением данных норм.

Таким образом, злоупотребление правом в публичном праве имеет следующие специфические признаки:

1) это деятельность уполномоченных субъектов, так как ввиду реализации публичных правоотношений рассматриваемыми правами может воспользоваться только круг лиц, который на данный момент ими наделен;

⁴ *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2010. С. 42.

⁵ Там же.

2) злоупотребление правом вступает в прямое противоречие с его назначением, т. е. та или иная норма не может быть реализована ввиду инициативы субъекта;

3) злоупотребление может считаться таковым, если наступили негативные последствия для общественных отношений.

Проработка вопроса о злоупотреблении правом в публичном праве требует более глубокого теоретического анализа и выработки унифицированного общетеоретического определения данной категории.

В. Р. Исламова

(Уфимский юридический институт МВД России)

КАТЕГОРИЯ «МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД». РОССИЙСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИИ

Проблема возмещения морального вреда была и остается объектом повышенного внимания как ученых-цивилистов, так и юристов-практиков, поскольку этот институт напрямую связан с социальной защитой личности, охраной чести и достоинства. В связи с чем представляется актуальным рассмотреть историко-правовой подход к категории морального вреда в России и Западной Европе.

Понятие «моральный вред» условно можно разделить на две составляющие — «мораль» и «вред». Мораль является, скорее, философской категорией, вред же выступает юридическим (правовым) понятием.

Мораль (от лат. *moralis* — нравственный) представляет собой специальную форму сознания, определяющую норму поведения личности. *Вред* рассматривается как негативные последствия, необратимые изменения.

Институт морального вреда в России служит правовым инструментом, который компенсирует потерпевшим физические и нравственные страдания. Однако выделение в качестве самостоятельных таких правовых категорий, как «физические страдания», «нравственные переживания», не одобряется, поскольку принцип компенсации для них единый.

Подход к категории морального вреда, сложившийся в России, объясняется исторической особенностью зарождения и развития данного института, прошедшего долгий путь от кровной обиды, штрафа за личную обиду, вознаграждения верителя («головщина»), квазипринудительного извинения, дуэли, возмещения за бесчестие, восстановления чести и достоинства.

В западном праве имеются два подхода к пониманию категории морального вреда. В классическом англо-американском праве термин «моральный вред» («moral harm») не применяется. Хотя смысловая и правовая нагрузка данного вида ответственности (liability) используется в понятиях «духовный вред» («spiritual harm») ¹, «вред неденежным интересам другого лица» (harm to non-pecuniary interests of another person) и «психический вред» (psychological injury). Необходимо отметить, что категория морального вреда в англо-американской системе прецедентного права является многогранной, многосубъектной, многокаузалистичной и берет свое начало еще в судах английского духовенства (ecclesiastical courts) как деликт, выраженный в неблагоприятном результате конкретного неправомерного волевого поведения другого лица (правонарушения). Становление и развитие ответственности за эмоциональный вред происходило исключительно из судебных решений. В правосозидательном процессе участвовали суды общего права (common law courts) и суды справедливости (courts of equity, chancery courts) ². Больше количество оснований, дающих право на компенсацию морального вреда, в англо-американской правовой системе можно объяснить, безусловно, рецепцией римского частного права и «состоянием национальной правовой культуры, являющейся самой сугубо тяжнической правовой культурой мира» ³. Благодаря правдолюбию англо-американского народа, уважению к чужому праву и чужой личности происходит формирование новых прецедентов компенсации морального вреда, отражающих современные формы нарушения неимущественных прав, которые обобщаются по различным категориям дел.

Во французском праве присутствует понятие «моральный вред» («dommage moral»), который определяется как моральная утрата («prejudice moral») ⁴. Вместе с тем изначально само понятие «моральный вред» зародилось в процессе становления французской судебной практики и входило в состав основной ответственности за причинение вреда в форме штрафа. Моральный вред во французском праве означает умаление личных неимущественных прав, виновное противоправное действие причинителя вреда, объективность последствий между виновными действиями и компенсацией моральной утраты. В наши дни вред упоминается в Гражданском кодексе Франции в качестве общей категории, и дальнейшее раз-

¹ Lorenz E. Immaterialer Schaden und billige Entschädigung in Geld. Berlin, 1981. С. 33.

² Ibid.

³ Осаке К. Американская правовая культура: родовая специфика и отраслевые разновидности // Право и управление XXI века. 2007. № 2(5). С. 75–85.

⁴ Lorenz E. Op. cit.

граничение его на имущественный и неимущественный в гражданском законодательстве Франции не производится, хотя в теории французского гражданского права и судебной практики такое разделение существует, причем вред, причиняемый личным неимущественным правам и благам, называют моральным вредом⁵.

В англо-американской и французской правовых системах моральный вред определяется как душевное состояние потерпевшего в рамках морали, нравственности и по смыслу не подлежит экономическому измерению. Вместе с тем особенность правосозидательного процесса судов с прецедентной системой права объясняет компенсацию в денежной форме тем, что судья является творцом законодательства, в том числе в части взыскания морального вреда, а решение суда должно быть справедливым, удовлетворять душевную тягость потерь и компенсировать душевные страдания потерпевшего.

В германском праве для обозначения понятия «моральный вред» использовался термин «Schmerzensgeld» («деньги за страдания, денежная компенсация за страдания») или же «Gefühlsschaden» (вред чувствам)⁶. Однако в германском праве данный институт развивался медленнее, чем в соседних странах Европы. Этот парадокс можно объяснить господством ошибочного мнения о том, что римское право не имело системы возмещения морального вреда. Вместе с тем историко-правовой подход к определению морального вреда способствовал дальнейшей кодификации последнего, и в германском праве долгое время господствовало мнение о чисто компенсационной функции «Schmerzensgeld». Компенсация за страдания заключалась в смягчении или полной нейтрализации причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий (Ausgleichsfunktion)⁷. Однако в настоящее время в связи со сложившейся правоприменительной практикой категория морального вреда выражается в характере и степени неимущественного вреда, а степень страданий соответствует тяжести причиненного неимущественного вреда. Следует отметить, что германское право, как и российское законодательство, не содержит исчерпывающего перечня нематериальных благ, что позволяет развивать данный институт в рамках правоприменительной практики.

Таким образом, категория морального вреда субъективна и индивидуальна, вне зависимости от принадлежности к той или иной систе-

⁵ *Zweigert K., Kötz H. Einführung in die Rechtsvergleichung: auf dem Gebiete des Privatrechts. Tubingen, Mohr. 1996. С. 699.*

⁶ Там же. С. 34.

⁷ *Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. М., 2007. С. 77.*

ме права. Данное обстоятельство объясняется исключительно традиционным подходом к оценке достоинства личности и историко-правовым подходом к изучению зарождения, становления и развития института морального вреда в России и Западной Европе.

О. В. Кулик

(Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)

ВЕДОМСТВЕННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО: ТРАДИЦИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Вплоть до начала XX в. в Российской империи вся полнота власти была сосредоточена в руках монарха. Учитывая данное обстоятельство, право на протяжении почти всей истории Российского государства в значительной степени ассоциировалось непосредственно с волей царя (Императора) и правящего класса. Основным проводником такой воли в повседневную жизнь являлись приказы, коллегии и министерства, представлявшие собой центральные органы отраслевого управления. Перечисленные органы были наделены в основном исполнительными, организационными и координирующими функциями, а издаваемые ими акты носили в большей степени распорядительный характер.

Ситуация значительным образом изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и образования в 1922 г. СССР. Принцип разделения властей Советском государстве считался буржуазным и за счет этого отвергался как неприемлемый. Формально вся власть признавалась принадлежащей народу, который реализовывал ее через Советы народных депутатов. Однако уже в Конституции СССР 1936 г. было закреплено, что законодательная власть на его территории осуществляется исключительно Верховным Советом СССР, а органы государственного управления, суд и прокуратура перечислены отдельно. При этом превалирующую роль партийно-административных органов в управлении государством и правотворчестве можно отметить с начала существования СССР. В итоге к 70–80-м гг. XX в. это привело к тому, что многочисленные приказы, инструкции, регламенты, правила и иные подзаконные акты, если фактически и не заменили собой закон, то составили ему значительную конкуренцию¹.

¹ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник. М., 2003. С. 217.

Современная Российская Федерация (далее — РФ) является прямой наследницей и правопреемником Советского государства. В связи с этим, несмотря на то что в соответствии со ст. 10 Конституции государственная власть в РФ делится на законодательную, исполнительную и судебную, существенное значение для правового регулирования имеет ведомственное правотворчество. Соответствующие полномочия федеральным органам исполнительной власти (далее — ФОИВ), к которым относятся федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, предоставлены Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». В этой системе особый статус принадлежит федеральным министерствам, на которые возложены функции по выработке государственной политики и самостоятельному нормативному правовому регулированию в установленной сфере деятельности. Федеральным службам и федеральным агентствам предоставлены полномочия только по изданию индивидуальных правовых актов. Нормативное правовое регулирование в названной сфере деятельности может осуществляться ими только в исключительных случаях, которые устанавливаются Президентом РФ или Правительством РФ. Такое положение ФОИВ можно в некоторой степени объяснить особой ролью в политической и правовой системе Президента РФ, осуществляющего руководство их деятельностью. Глава государства не относится ни к одной из ветвей власти, однако определяет основные направления внешней и внутренней политики и наделен в большей степени исполнительными полномочиями, а также правом по изданию подзаконных актов — указов и распоряжений.

В связи с этим может возникнуть впечатление, что в России в настоящее время существует некоторый дисбаланс в разделении власти между органами государственной власти и ФОИВ выполняют несвойственные им функции. Полагаем, это не так. Несмотря на характер и объем ведомственного правотворчества, оно является правотворчеством подзаконного характера. Ведомственные правовые акты издаются исключительно в целях реализации законодательных актов, не могут им противоречить. Такую значимую роль в правотворческом процессе исполнительной власти можно объяснить не только традицией государственного управления и субъективными факторами, но и объективными причинами. За счет мобильности, действенности, эффективного использования материальных, идеолого-информационных², финансовых и иных средств исполнительная

² Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2017; Егo же. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности // Закон. 2010. № 7. С. 44–51.

власть выходит на первый план именно в период становления новой государственности, который можно охарактеризовать как переходный³.

При этом следует отметить, что ведомственное правотворчество имеет весомые преимущества для правового регулирования, в первую очередь в плане учета и придания юридического статуса правовой практике, т. е. ее легализации. Во-первых, такая практика складывается непосредственно в результате деятельности самих ФОИВ, т. е. наиболее наглядна. Во-вторых, ведомственное правотворчество отличается значительная гибкость и технологическая простота по сравнению с законотворчеством. В результате ФОИВ могут оперативно реагировать на необходимость изменения или дополнения своих нормативных правовых актов под влиянием правоприменительной практики.

Таким образом, федеральные органы исполнительной власти, сохраняя традиции своих предшественников, принимают участие не только в организации управления государством, но и в регулировании. Ведомственное правотворчество, основанное на легализации правовой практики, может решать многие текущие вопросы и способствовать дальнейшему развитию Российской Федерации.

Т. Д. Логинова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

В современном мире происходит новый виток социально-экономического развития общества. Мир неизбежно переходит в цифровую плоскость, каждый сегодня использует в повседневной жизни информационно-коммуникационные технологии (достаточно сложно представить современного человека, не пользующегося мобильным телефоном, планшетом, ноутбуком или компьютером), многие операции сейчас возможны только в электронной форме, это требует особого отношения к личной информации, актуализирует необходимость ее защиты. Кроме того, человек в современном мире оставляет очень много «информационных следов», в том числе и цифровых: размещает фото с различных мероприя-

³ Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие. М., 2009. С. 340–341, 351.

тий, просматривает страницы Интернета, отправляет сообщения, отмечает понравившиеся записи, прослушивает музыку, оплачивает покупки в интернет-магазинах банковскими картами. На основе такой информации вполне можно составить представление о человеке, определить его личные данные, характерные привычки и впоследствии использовать эту информацию в противоправных целях. Учитывая, что в современном мире идет постоянный процесс накопления информации, формируются различные банки данных, хранилища информации, необходимо понимать, что даже через несколько десятков лет ранее опубликованная информация может отрицательно сказаться на репутации человека. К тому же источником данной информации не всегда является ее непосредственный носитель. В процессе информатизации человек становится информационно «прозрачен». Любая информация о конкретной личности может стать доступной и быть использована другой личностью, группой лиц, общественной группой и государством в различных целях. Так, широкое распространение в обществе получил «кибербуллинг», который представляет собой агрессивные, намеренные оскорбления, угрозы, диффамации и распространение компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации.

Учитывая важность и значение информационно-коммуникационных технологий в жизни современного общества, а также оценив возможные риски и угрозы от их использования, выделим следующие перспективные направления развития системы обеспечения информационной безопасности личности в России.

1. Закрепление права на информационную безопасность личности в Конституции Российской Федерации. При этом под правом на информационную безопасность понимается субъективное право личности, определяющее ее возможности по реализации информационных прав в своих интересах и защите от негативных информационных воздействий. Закрепление данного права в основном законе страны повлечет выработку государственно-правового механизма регулирования и обеспечения информационной безопасности личности, который до настоящего времени не сформирован. Несмотря на то что в сфере обеспечения информационной безопасности личности имеется достаточное количество нормативных актов и различного рода государственных программ, механизмы регулирования информационных отношений отсутствуют. Это в свою очередь негативно сказывается на обеспечении информационной безопасности всего общества и государства.

2. Разработка механизма реализации «права на забвение», предусматривающего возможность прекращения выдачи информации по поиско-

вому запросу в сети «Интернет» в случае, если она утратила значение для заявителя или является недостоверной. «Право на забвение» закреплено в Российской Федерации с 1 января 2016 г., однако до тех пор, пока отсутствуют критерии определения общественной значимости информации, разграничения частного и общественного интереса при оценке актуальности информации, а также порядка обращения в компетентные органы для получения ответа на запрос об актуальности и достоверности информации, оно плохо реализуется.

3. Развитие культуры личной информационной безопасности всех категорий граждан. Информационная культура личности включает правила поведения в информационном пространстве, знание основ функционирования информационного пространства, определенный уровень информационного мировоззрения, информационную этику. Изучать основы информационной культуры необходимо в образовательных и воспитательных учреждениях любого уровня в соответствии с возрастом обучающихся. Знание основ информационной культуры позволит более обдуманно подходить к распространению личной информации, персональных данных, и к ее защите.

Таким образом, состояние информационной безопасности личности в России не в полной мере соответствует потребностям современного общества. Для успешного решения данных вопросов необходим комплексный подход, включающий нормативные, организационно-технические и культурно-образовательные меры, направленные на развитие системы обеспечения информационной безопасности личности в России.

Е. В. Лоос

(Барнаульский юридический институт МВД России)

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЧНОСТИ, ЕЕ СПОСОБЫ И ФОРМЫ: ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время права человека единодушно признаются высшей ценностью, следствием чего является повышенное внимание к их государственному обеспечению. В связи с этим важным моментом является понимание того, каким образом происходит непосредственная реализация прав личности, в каких формах и какими способами осуществляется их государственное обеспечение.

Рассматривая формы и способы обеспечения прав личности, следует отметить отсутствие согласованности при использовании в научной

литературе понятийного аппарата данной области. Особенно ярко это проявляется при рассмотрении непосредственной защиты прав человека. Когда речь идет о защите личных неимущественных прав, то ученые и правоприменители оперируют такими терминами, как «способ защиты», «форма защиты», а также «средство защиты». При этом их содержание различно у разных авторов. Например, Т. В. Шпачева и Е. В. Шпачев выделяют способы и средства защиты прав. По мнению указанных авторов, способ защиты прав — это «строго определенные законом меры, с помощью которых осуществляется пресечение (предупреждение) нарушений субъективных прав заинтересованного лица». Средства же — это «определенные действия по фактическому исполнению варианта (модели) правового воздействия, закрепленного каким-либо способом защиты (подача иска, жалобы, заявления)»¹. Т. А. Вертепова в русле дискуссии о непосредственной реализации права на защиту чести и личного достоинства, не разграничивает способы, формы и средства такой защиты². П. В. Анисимов также отождествляет способы и формы защиты прав человека, однако выделяет и классифицирует средства их защиты³. Между тем, как справедливо отмечает Е. В. Киричек, «формирование концепции обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации имеет две тесно взаимосвязанные стороны: научную и законодательную. При этом законодательное регулирование невозможно без проработанной и четко сформулированной теоретической концепции, которая может быть положена в основу правотворческой деятельности»⁴.

По нашему мнению, наилучший путь устранения понятийных коллизий — обращение к лексическому значению термина. Словарь С. И. Ожегова определяет *средство* как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь»⁵. В Словаре синонимов русского языка слова *способ* и *сред-*

¹ Шпачева Т. В., Шпачев Е. В. О способах защиты права (законного интереса) в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2008. № 4. С. 45.

² Вертепова Т. А. Правовые способы защиты чести, личного достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации // Общество и право. 2015. № 4(54). С. 106–107.

³ Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2009. С. 180–181.

⁴ Киричек Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 111.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1997. С. 263.

ство указаны в качестве синонимов⁶. На этом основании точку зрения авторов, разделяющих понятия «способ» и «средство», нельзя признать верной, так как они тождественны.

В словаре С. И. Ожегова *способ* определяется как «действие или система действий, применяемые при осуществлении чего-нибудь»⁷. Значит, способ защиты права — это защита права при помощи чего-либо. Его можно охарактеризовать как содержание защиты права.

Значение слова *форма*, согласно словарю С. И. Ожегова, — это «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением»⁸. Следовательно, форма защиты права — это внешнее выражение ее содержания.

Таким образом, понятия «форма» и «способ» соотносятся друг с другом как форма и содержание. Отождествление же формы и содержания является методологической ошибкой, значит, позицию авторов, отождествляющих эти понятия, следует признать ошибочной.

Подведем итог изложенному.

1. Способ и средство защиты прав личности являются тождественными понятиями. В целях недопущения путаницы и упорядочения понятийного аппарата в научном обороте предпочтительным будет использование более подходящего, на наш взгляд, термина «способ».

2. Понятия «форма защиты права» и «способ защиты права» не являются тождественными и соотносятся друг с другом как форма и содержание. Их отождествление является методологической ошибкой.

Г. Е. Москаленко

(Омская академия МВД России)

СВОБОДА КАК ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ В УЧЕНИИ П. И. НОВГОРОДЦЕВА

Достижение современных политико-правовых идеалов становится сегодня одной из главных целей Российского государства и общества. Весьма перспективной идеей, разрабатываемой научным сообществом, является

⁶ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. М., 2001. С. 290.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч.

⁸ Там же.

идея солидарности. Она активно исследовалась такими представителями отечественной юридической науки второй половины XIX — начала XX вв., как П. И. Новгородцев, М. М. Ковалевский, С. А. Кистяковский и др.

Особого внимания заслуживает творческое наследие Павла Ивановича Новгородцева — основателя и общепризнанного главы новейшей идеалистической школы русской юриспруденции¹. Общественный идеал был одним из основных предметов научной деятельности мыслителя. Под общественным идеалом П. И. Новгородцев понимал «безусловную солидарность личности с общественной средой»². Таким образом, очевидна связь идеи солидарности с идеалистической концепцией отечественного правоведа.

Полагая, что термин «солидарность» часто служит средством политической фразеологии и употребляется не всегда однозначно, П. И. Новгородцев отмечал, что независимо от контекста под солидарностью всегда подразумевается некое единение, согласие и общность. Мыслитель прекрасно понимал, что достижение единства в обществе возможно несколькими путями. В их числе всесторонняя правовая регламентация жизни граждан, «идеологическое рабство», созданное за счет политической пропаганды, организованная система политического надзора и другие способы, ограничивающие свободу человека. Очевидно, что апологет доктрины возрожденного естественного права П. И. Новгородцев представлял совершенно иной путь достижения общественной солидарности. По его мнению, солидарность является не самой целью, а лишь средством утверждения личности как высшей ценности.

Неотъемлемым правом человека является его право на свободу. В свободе автор усматривал выражение нравственного существа личности. «Свободная личность — вот основание для построения общественного идеала, но личность, не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу», — отмечал П. И. Новгородцев³. Таким образом, солидарность возникает только на основе признания свободы личности, осознающей значимость единства и общности интересов всех членов общества. Возникновение солидарности на фоне ограничения свободы индивида недопустимо, так как при этом цель солидарности, выраженная в торжестве личности как высшей ценности, будет утрачена.

¹ Гурвич Г. Д. Профессор П. И. Новгородцев как философ права // Современные записки. Париж, 1924. Т. 20. С. 389–390.

² Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 200.

³ Там же. С. 72.

Свобода не рассматривалась П. И. Новгородцевым как нечто безграничное. Всеобщая свобода и равенство одних субъектов порождает необходимость признания свободы других субъектов: «Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приводит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни»⁴. Отсутствие солидарности в обществе порождает хаос, в котором любой человек является носителем абсолютного права на все. Однако, имея нравственное начало, солидарность ознаменовывает прогресс перехода нравственного сознания в правовое. Тем самым реализуется основная задача права — охрана свободы личности.

Основную максиму солидарного общества отечественный мыслитель усматривал в категорическом императиве Иммануила Канта, согласно которому индивид должен поступать так, чтобы он всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству. Сформулированная П. И. Новгородцевым идея общественной солидарности рассматривается нами как политико-правовой идеал, нацеленный на достижение высших либеральных ценностей, таких как свобода, формальное равенство и законность.

При этом в основе идеи солидарности лежит принцип свободы. Солидарность, по мнению П. И. Новгородцева, возникает не иначе как на основе гарантии со стороны государства обеспечения равенства, прав и свобод человека. Свобода личности является высшей ценностью и может быть ограничена лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав и законных интересов других лиц.

А. Е. Никитина

(Омская академия МВД России)

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

Свобода совести и свобода вероисповедания в Российской Федерации является необходимой предпосылкой формирования духовной сферы жизни общества, определения свободы мировоззренческого вы-

⁴ Бердяев Н. А. София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии // Новгородцев П. И. Демократия на распутье. Берлин, 1923. С. 67.

бора, а также возрождения духовных и культурных традиций народа¹. В статье 28 Конституции Российской Федерации закреплено: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Органы внутренних дел участвуют в реализации названного права. К числу основных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции по обеспечению права на свободу совести, следует отнести: Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и др.

Конституция Российской Федерации определяет основные положения, которыми руководствуются сотрудники органов внутренних дел в своей профессиональной деятельности по обеспечению прав и свобод граждан. Так, деятельность полиции в указанной сфере осуществляется на основании ст. 2 Конституции, закрепляющей обязанность государства по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина; ст. 10 закрепляет принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 28 гарантирует реализацию права на свободу совести.

Федеральный закон «О полиции» определяет полицию как систему государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействовать преступности, охранять общественный порядок, собственность и обеспечивать общественную безопасность. В соответствии с п. 16 ст. 12 данного закона именно полиция как субъект, участвующий в охране и защите права на свободу совести, принимает меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан².

¹ Бучакова М. А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3(52). С. 42–46.

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

При осуществлении властных полномочий по обеспечению права на свободу совести сотрудники полиции должны учитывать положения, закрепленные в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». При этом они не должны: вмешиваться в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности; возлагать на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; вмешиваться в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит указанному закону³.

Осуществляя защиту прав граждан на свободу совести, сотрудники полиции проводят мониторинг того, в какой мере религиозные объединения действуют в рамках закона на предмет злоупотребления правом на свободу совести. В данной деятельности полиция руководствуется Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и участвует в разработке и принятии профилактических мер, направленных на предотвращение проявлений различных форм злоупотреблений правом на свободу совести; в выявлении, предупреждении и пресечении экстремистской деятельности физических лиц и религиозных объединений⁴.

Названные и другие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел в области обеспечения права на свободу совести, позволяют решать поставленные перед сотрудниками полиции задачи. Однако следует констатировать, что на сегодняшний день сотрудники полиции в данной деятельности преимущественно руководствуются нормами федеральных законов, в которых отсутствует алгоритм действий полицейского в столь деликатной сфере, как право на свободу совести. Перспективным видится принятие ведомственного нормативного правового акта, регулирующего деятельность полиции по обеспечению реализации права на свободу совести. Полагаем, это должно быть осуществлено с учетом разработки правовых норм, предусматривающих взаимодействие органов внутренних дел с религиозными объединениями и населением.

³ *О свободе совести и о религиозных объединениях* : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 39, ст. 4465.

⁴ *Юрицин А. Е.* Взаимодействие полиции с органами государственной власти и местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. № 2. С. 92–97.

Д. Р. Хасанов

(Омская академия МВД России)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ.

Правовая политика как часть общегосударственной политики представляет значительный интерес для отечественной юридической науки, что нашло отражение во множестве работ, посвященных непосредственно или затрагивающих данную тему. Некоторые авторы формулируют понятие правовой политики, выделяют и соответствующие характерные признаки. Однако при рассмотрении данных определений не прослеживается единства в позициях, существует многообразие в понимании правовой политики как явления¹. Это негативно отражается на качестве исследований обозначенного объекта и обуславливает потребность в анализе характерных признаков правовой политики и выработке унифицированного понятия, а также достижении терминологической точности.

При узком понимании политики как практической деятельности государства и других субъектов политической системы в решении социально значимых задач правовая политика наряду с экономической, социальной, экологической и др. является одним из ее направлений. Она выражает официальную позицию государства (и стоящих за ним политических сил) по принципиальным вопросам правового регулирования.

Политика в широком смысле связана с властью и процессом ее реализации. В этом случае общегосударственная политика определяет содержание правовой политики и как формы установления и реализации власти, и как средства, определяющего выбор вариантов будущего поведения субъектов власти с учетом целей и интересов общества.

Внешнее выражение правовой политики как специфически ориентированной деятельности ее субъектов опирается на возможность государственно-властного принуждения, содержит нормативно-организационные начала, осуществляется правовыми методами. Значи-

¹ См. подробнее : *Рыбаков О. Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. С. 287 ; *Малько А. В.* Теория правовой политики : монография. М., 2012. С. 41 ; *Исаков Н. В.* Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 238 ; *Матузов Н. И.* Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI в. // Правовая политика России: теория и практика : монография. М., 2006. С. 34 ; *Орешкин С. И.* Введение в судебную политику. М., 2007. С. 15 ; *Марченко М. Н.* Правовая политика современной России и региональное правотворчество // Образование и общество. 2007. № 1. С. 72.

тельная часть отечественных юристов едина во мнении, что общим объектом правовой политики выступает правовая жизнь общества². Таким образом, выделяется основной признак правовой политики — ее объективированная направленность.

Вместе с тем правовую политику характеризуют и иные признаки, относящиеся к ее внутреннему содержанию, консолидирующему и направляющему деятельность ее субъектов (государства, общества, личности). К таким признакам в отечественной юридической литературе относят: фундаментальность, научную обоснованность, концептуальность, официальный характер, реалистичность³. Не исключается также мировоззренческая, идеологическая составляющая⁴.

Другая часть признаков указывает на внешнее проявление правовой политики. Будучи специфически ориентированной деятельностью, она связана с формированием механизма правового регулирования и созданием условий для реализации норм права, развития институтов и отраслей права, укрепления режима законности и общественной безопасности, для организации предупреждения и борьбы с правонарушениями, формирования у граждан высокой правовой культуры, способности использовать правовые средства для удовлетворения своих и общественных интересов.

К числу признаков правовой политики государства ряд исследователей также причисляют: системность, субъектность, зависимость от факторов внешней и внутренней среды, публичный характер, динамичность, стабильность, целевой характер, результативность, плановость и т. п.

Таким образом, правовая политика представляет собой сложное, комплексное явление, обладающее значительным количеством признаков, связывающих ее со множеством явлений как в правовой сфере жизни общества, так и за ее пределами, что находит отражение в неоднозначности понимания правовой политики и, как следствие, в возникновении множества различных определений. С учетом вышеизложенного можно заключить, что все многообразие названных признаков вряд ли позволит сформулировать единообразное понятие, так как некоторые из них имеют специфический характер и проявляются в особых, порой нестандартных условиях. В то время как понятие, приемлемое для универсализации исследований правовой политики, должно, на наш взгляд, включать лишь основные существенные

² Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009. С. 207.

³ Коробова А. П. Понятие и структура правовой политики // Правовая политика России: теория и практика : монография. М., 2006. С. 108–114, 119.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 211.

признаки. Правовая политика — это основанная на правовой идеологии, сформированная с учетом и под влиянием интересов политических сил общества официальная позиция государства в принципиальных вопросах правового регулирования, реализуемая посредством последовательной, системной деятельности государственных органов, должностных лиц и институтов гражданского общества, консолидируемой установлением конкретных целей и средств их достижения.

А. А. Юрицин

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИМОРФИЗМА ПРИЗНАКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Выявление специфики тех или иных явлений опосредуется обоснованием аутентичных признаков, выделяющих их среди феноменов одного объема деления. Так, познание особенностей государственной власти производно от выявления ее отличительных характеристик от публичной власти.

Большинство ученых солидарны с тем, что публичная власть как носитель действительных властных полномочий, легально реализуемых от имени различных сообществ, состоит из власти двух уровней: государственной, включая государственную власть субъектов федерации, и муниципальной, объединяющей городские и сельские поселения, муниципальные районы и городские округа. Несмотря на логическую оправданность заданной парадигмы исследования, работы далеко не всех ученых позволяют выявить существенные характеристики государственной власти.

Например, С. И. Вершинина, исследуя власть государства, фактически ведет речь о публичной власти в целом. Это проявляется в указании на публичный характер институциональной организации; противоречивость интересов человека, общества и публично-правового образования, обуславливающую необходимость компромисса и объективность противоречий между ними; потребность охраны и защиты публичного интереса; наличие позитивного права, как фактора легализации власти и принуждения¹.

¹ Вершинина И. С. О соотношении государственной власти и принуждения // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1. С. 122–125.

А. А. Борисенков определяет особенности государственной власти через ее реализацию посредством особых учреждений — органов власти, работники которых лично не присваивают государственную власть, осуществляют ее в соответствии со строго регламентированным порядком на основе разделения функций в соответствии с компетенцией органов².

Те же признаки, только в другом масштабе, подходят, например, для характеристики особенностей муниципальной власти или власти субъектов Федерации или административных автономий, где мы можем наблюдать ту же публичную организацию, конфликт и необходимость охраны общественных интересов, правотворчество и правоприменение. Аналогичным образом могут быть истолкованы предложенные О. А. Воробьевой признаки государственной власти в системе публичной власти в части официального характера и структурированности власти, обязательности ее решений, обладания исключительными правами, включая налоги³.

В. Е. Чиркин отмечал, что власть государства и власть иных публично-правовых образований — власть одного типа. Следовательно, при единстве сущности содержание публичной власти в различных публично-правовых образованиях не является одинаковым, что выражается в отличных друг от друга предметах ведения и полномочиях, структуре органов власти, пределах их действия и пр.⁴

Очевидно, что ученые часто не выделяют специальных признаков, характеризующих различные подвиды власти, а за «особенностями» подчас скрываются черты, характеризующие признаки понятий, составляющих объем деления, например, относящиеся к публичной власти в целом. От этого происходит смешение видовых и родовых признаков, позволяющее уяснить специфику интуитивно, посредством сравнения предлагаемых признаков явления с властью иных уровней.

Полагаем, что обозначенные заблуждения выступают следствием непонимания общих (сущностных) и групповых (интегративных) признаков власти, что пролонгирует актуальность полемики о соотношении видов власти между собой. В то же время необходимость установления более или менее однозначных отличий между видами власти

² *Борисенков А. А.* Представления об общественной власти (по Конституции Российской Федерации) // *PolitBook*. 2014. № 4. С. 140, 148–149.

³ *Воробьева О. А.* Государственная власть как уровень публичной власти // *Общество: политика, экономика, право*. 2012. № 1. С. 145.

⁴ *Чиркин В. Е.* Современные модели публичной власти // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2013. № 3. С. 54–55.

требует выделения общих черт, необходимых для избежания дублирования между выделяемыми классами. Посредством операции сравнения различных видов власти и вычитания интегративных признаков мы можем получить подлинно сущностные признаки государственной власти.

А. Н. Язов

(Омская академия МВД России)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ СУВЕРЕНИТЕТА И САМОДЕРЖАВИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Изучение идеи суверенитета имеет многовековую историю. Суверенитет в различные периоды в процессе теоретического обоснования понимался неоднозначно и рассматривался как сквозь призму свойств власти, так и в качестве набора полномочий государственной власти. Во второй половине XIX — начале XX вв. суверенитет выступал предметом исследований представителей либеральной политико-правовой мысли России.

Существующие подходы к определению данного понятия подробно изложили в своих работах Ф. Ф. Кокошкин¹ и В. М. Гессен². Авторы рассматривают суверенитет в нескольких значениях: во-первых, как свойство государственной власти, отличающее ее от других негосударственных общественных властей (церкви, общественных организаций и т. п.), — верховенство; во-вторых, как свойство государственной власти, в силу которого власть одного государства не может господствовать над властью другого государства, — международная и внутригосударственная независимость; в-третьих, как синоним государственной власти, в смысле совокупности ее полномочий; в-четвертых, как свойство одного из органов или элементов государства — верховенство в государстве.

В соответствии с последним подходом, под суверенитетом понимается свойство одного из органов государственной власти, которому принадлежит высшая власть, — верховенство. Как отмечает Ф. Ф. Кокошкин, в соответствии с данным подходом суверенитет развивается в рамках учения об абсолютной государственной власти и направлен, во-

¹ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 193–204.

² Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 44–56.

первых, на обоснование определенной формы правления, во-вторых, на поддержку той или иной власти в борьбе с другими государственными элементами³. Учение о суверенитете в контексте подобных рассуждений развивается в границах двух противопоставляемых друг другу политических доктрин: монархической (суверенитет монарха) и демократической (суверенитет народа). В обеих доктринах суверенитет понимается как высшее юридическое положение одного государственного органа относительно других и выражается в его безответственности (В. М. Гессен)⁴ и неограниченности (Ф. Ф. Кокошкин)⁵ как атрибутах органа-суверена.

Вызывают интерес параллели между историей понятий «суверенитет» в Европе и «самодержавие» в России, которые выявили Ф. Ф. Кокошкин и Н. М. Коркунов. Впервые, отмечают ученые, термин «самодержавный» употребляется после освобождения Москвы от татаро-монгольского ига и выражает независимость Московского государства от каких-либо других внешних сил⁶, т. е. используется в значении суверенитета в трактовке Ж. Бодена. Со времен Ивана IV самодержцем называют монарха, обладающего неограниченной властью, а понятие «самодержавие» тождественно понятию «суверенитет» в значении «верховное положение органа в государстве». Законодательные акты Петра I, которые создавались под влиянием западноевропейского законодательства, содержали слова «самодержавный» и «самовластный», которые являлись переводом иностранного термина «суверенный»⁷.

В либеральной юридической науке нет единства по вопросу определения понятия «самодержавие». Профессор А. Д. Градовский толкует его как свойство верховной власти, в соответствии с которым акт воли ее носителя получает силу закона независимо от другого установления. Наряду с самодержавием как отдельное понятие правовед рассматривает неограниченность, под которой понимает свойство власти, в соответствии с которым воля ее носителя не имеет пределов, устанавливаемых юридическими нормами⁸.

Сравнивая определения неограниченности и самодержавия, Н. М. Коркунов приходит к мысли, что они составляют единое понятие,

³ Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 197.

⁴ Гессен В. М. Указ. соч. С. 51.

⁵ Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 199.

⁶ Коркунов Н. М. Русское государственное право : в 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 213 ; Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 199.

⁷ Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 199.

⁸ Градовский А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. СПб., 1875. Т. 1. С. 2.

обозначающее сосредоточение в руках субъекта верховной власти всей полноты государственной власти⁹. Б. Н. Чичерин под самодержавием понимает отличительную черту положения носителя верховной власти в государстве, который властвует независимо от кого бы то ни было, не как уполномоченный, а по собственному праву¹⁰.

Таким образом, сопоставляя понятия «суверенитет» и «самодержавие», можно резюмировать, что в российской юридической науке они тождественны и употребляются в значении верховенства как свойства власти, принадлежащей одному из органов государства.

⁹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 213.

¹⁰ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1894. Ч. 1. С. 134.

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ц. Алтанхундага

(Омская академия МВД России)

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С 2004 г. в уголовно-исполнительной системе Монголии начал функционировать институт социальных работников, призванных оказывать осужденным социальные услуги¹. Это имело большое значение для совершенствования деятельности уголовно-исполнительных органов Монгольского государства по адаптации осужденных.

Объектом социальной работы являются люди, которые оказались в сложной жизненной ситуации и неспособны самостоятельно разрешить проблемы адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Это могут быть инвалиды, пенсионеры, лица, не имеющие жилья, подвергшиеся насилию и переживающие посттравматический синдром и др.² Важной составной частью социальной работы является социальная работа с осужденными.

В теории социальной работы с осужденными принято воспринимать осужденных как различных клиентов.

Клиенты делятся на добровольных и недобровольных. Первые или сами инициируют оказание им помощи специалистами по социальной

¹ *Центральный архив* Главного управления исполнения судебных решений. Б. А.-2004. Оп. 76. Д. 2. Л. 79.

² *Социальная работа в уголовно-исполнительной системе* / под ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2006. С. 55.

работе, или не возражают против нее. Вторые выступают против вмешательства в их личную жизнь, считая, что никакая помощь со стороны общества им не нужна, поскольку это делает их зависимыми и слабыми. Как правило, это лица, ведущие асоциальный образ жизни, по отношению к которым общество вынуждено применять достаточно жесткие санкции социальной защиты от их негативного влияния.

Если вспомнить, что под объектом социальной работы мы понимаем лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию и не способных ее самостоятельно разрешить, то большинство осужденных можно отнести к такой категории, поскольку переход из условий свободы в новую среду исправительного учреждения действительно является сложной жизненной ситуацией³. Лишь лица, неоднократно отбывавшие наказание в виде лишения свободы, не испытывают дезадаптационного синдрома при попадании в следственный изолятор и исправительную колонию. Всем остальным требуется пройти сложный начальный период адаптации к условиям исполнения наказания.

Под адаптацией следует понимать социальную форму взаимодействия осужденных и администрации исправительного учреждения в рамках существующих административных, режимных, трудовых и других регламентов и ценностей, преломленных через материальные и духовные компоненты, в которых протекает жизнедеятельность осужденных.

К сожалению, до сих пор деятельность по адаптации осужденных в местах лишения свободы не является основной задачей социальной работы уголовно-исполнительной системы в Монголии.

В настоящее время уголовно-исполнительные органы Монголии имеют следующие задачи социальной работы в местах лишения свободы⁴:

1. Выявить все категории осужденных.
2. Обеспечить устойчивую поддержку осужденных для решения проблем во время отбывания наказания путем консультирования и разъяснительных бесед.
3. Изменить негативное поведение осужденных путем совместной деятельности администрации исправительных, правительственных и неправительственных организаций.
4. Обеспечивать законные права осужденных и защищать их от преступных действий.

³ Там же. С 56.

⁴ *Социальная работа в пенитенциарной системе*. Улан-Батор, 2015. С 34.

В отличие от Монголии, в Российской Федерации основными целями уголовно-исполнительных органов при осуществлении социальной работы с осужденными являются обеспечение оптимальных условий для их ресоциализации в период отбывания наказания, создание предпосылок для продолжения их ресоциализации и социальной реабилитации после освобождения⁵.

В соответствии с названными целями к основным задачам можно отнести:

1. Выявление социальных проблем осужденных (социальная диагностика), особенно в адаптационный период отбывания наказания.

2. Осуществление социальной защиты осужденных во всех сферах жизнедеятельности в основной период отбывания наказания, предоставление им дифференцированной социальной помощи, координирование деятельности других служб исправительного учреждения в решении данных вопросов.

3. Подготовка осужденных к освобождению, восстановление и укрепление их социально полезных связей, содействие в бытовом и трудовом устройстве после освобождения.

4. Подготовка и оформление совместно с заинтересованными службами необходимых документов для назначения и выплаты пенсий, получения социальных пособий, предусмотренных законодательством для осужденных.

5. Привлечение специалистов различных служб и учреждений социальной защиты населения (в частности, службы занятости, пенсионного обеспечения, медиков и юристов) к оказанию профессиональной помощи (в том числе консультативной) осужденным.

6. Привлечение общественности и спонсоров к решению социальных проблем исправительных учреждений, оказанию материальной и духовной помощи осужденным как в период отбывания ими наказания, так и после освобождения (помощь в трудовом и бытовом устройстве).

⁵ Социальная работа в уголовно-исполнительной системе. С 104.

А. Вандан-Иш

(Омская академия МВД России)

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ

Потребность в особой уголовно-правовой защите сотрудников правоохранительных органов обуславливает актуальность исследования уголовной ответственности за посягательство на их жизнь. Это касается и точного определения момента окончания данного вида преступления в УК РФ и в УК Монголии. Статья 29 УК РФ разъясняет, что следует понимать под окончанным преступлением: это случаи, когда в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом.

Согласно ст. 30 УК Монголии преступление признается окончанным, если в действиях или бездействии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом*. Следует подчеркнуть, что данные определения российского и монгольского уголовного закона по поводу окончанного преступления имеют сходный характер. Особенная часть УК РФ содержит ряд составов преступлений, имеющих повышенную общественную опасность, в связи с чем момент их окончания связан с началом выполнения деяния.

Таковым является и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Основной состав названного деяния закреплён в ст. 317 УК РФ: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

Действующий УК Монголии не предусматривает отдельной статьи, устанавливающей ответственность за посягательство на жизнь и

* URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/12172?lawid=12172> (дата обращения: 06.11.16).

здоровье сотрудника правоохранительного органа, однако в Кодексе содержится ст. 10.1.2.9: «Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы». Составы простого и квалифицированного убийства содержатся в ст. 10.1 УК Монголии. Убийство сотрудника правоохранительного органа в связи с выполнением им служебных обязанностей квалифицируется по этой статье.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) является оконченным преступлением с момента начала совершения деяний, непосредственно направленных на лишение его жизни, независимо от того, удалось виновному достичь желаемого результата или нет. Таким образом, преступление окончено с момента покушения на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких. Данное деяние относится к формальным составам преступления.

Что касается момента окончания преступления, предусмотренного ст. 10.1.2.9 УК Монголии, то оно признается оконченным с момента наступления смерти потерпевшего. Данное деяние относится к материальным составам преступления. Если в результате деяния смерть потерпевшего не наступила по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, то содеянное следует квалифицировать как покушение на убийство.

Как правило, перенос момента окончания на более позднюю стадию преступной деятельности означает более мягкий режим, а на раннюю — более жесткий. Из вышеизложенного анализа о моменте окончания посягательства на жизнь лиц в связи с исполнением ими обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности мы пришли к выводу, что российский законодатель по сравнению с монгольским законодателем стремится обеспечить повышенную охрану жизни сотрудников правоохранительных органов, перенося момент окончания преступления на более раннюю стадию — покушение на жизнь. Полагаем, что данный подход более адекватно отражает степень общественной опасности рассматриваемого воздействия на сферу государственного управления и имеет все основания для его распространения на аналогичную норму в уголовном законодательстве Монголии.

И. А. Гошт

(Омская академия МВД России)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА

На сегодняшний день в Российской Федерации уголовная ответственность установлена за фиктивную регистрацию по месту жительства и месту пребывания и постановку на учет (ст. 322² УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», ст. 322³ УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»).

Миграционный учет необходим для эффективной реализации большинства государственных функций, таких как: охрана прав и свобод человека и гражданина; обеспечение правопорядка; оборона и безопасность; охрана общественного порядка; социальная защита; налогообложение и др. Сведения о местах жительства и пребывания используются при проведении избирательного процесса, осуществлении воинского учета, применении мер государственного воздействия и принуждения и др.

Фиктивная регистрация и постановка на учет не позволяют государственным и судебным органам в полном объеме осуществлять функции, возложенные на них законодательством Российской Федерации, а также препятствуют объективному прогнозированию миграционной ситуации и нивелируют саму идею миграционного учета. В силу предоставления недостоверных сведений, несоответствия данных о месте жительства и пребывания, предоставленных в органы государственной власти, с реальным местом проживания или пребывания лиц, в органах миграционного учета отсутствуют достоверные исчерпывающие данные о реальной миграционной ситуации в стране. В таких условиях выработать эффективную государственную миграционную политику не представляется возможным. Данный факт подрывает авторитет государства и делает его более уязвимым.

За 2016 г. по ст. 322² УК РФ было зарегистрировано 3242 преступления. В 2017 г. количество зарегистрированных преступлений по данной статье возросло на 97,5% и составило 6404 преступления. Из них было раскрыто в 2016 г. 2887 преступлений, в 2017 г. — 6038 преступлений (+109,1%). Раскрываемость преступлений по данной статье в 2016 г. со-

ставила 89%, в 2017 г. — 94,2%. По статье 322³ УК РФ за 2016 г. было зарегистрировано 20 500 преступлений, в 2017 г. — 31 879 преступлений (+55,5%). Из них в 2016 г. было раскрыто 18 158 преступлений, в 2017 г. количество раскрытых преступлений возросло на 64,7% и составило 29 907 преступлений. Раскрываемость преступлений по данной статье в 2016 г. составила 88,5%, в 2017 г. — 93,8%. Приведенные цифры говорят не просто о распространенности, а о массовости фактов фиктивной регистрации и постановки на учет. Наряду с этим следует отметить высокую степень раскрываемости преступлений, предусмотренных ст. 322² и ст. 322³ УК РФ, что не снижает степени их общественной опасности.

Необходимо отметить, что указанная проблема сегодня характерна для всего мирового сообщества. Так, ярким примером недостаточного контроля за беженцами являются события в г. Кельне в 2016 г. Во время празднования Нового года в толпу празднующих горожан влилась группа из 1000 мужчин, которые осуществили нападения на женщин. В числе самых значительных инцидентов — ограбления и сексуальные домогательства. В полицию города поступило 1054 заявления о фактах нападений в новогоднюю ночь. Было установлено, что среди подозреваемых несколько человек являлись гражданами Сирии и Ирака, а основную массу нападавших составили выходцы из Северной Африки. Большинство из них были беженцами, и в государственных органах отсутствовали данные об их реальной регистрации и постановке на учет. В связи с этим лишь единицы виновных были установлены и привлечены к ответственности. Этот пример далеко не единственный, а случаи подобного рода (но меньших масштабов) достаточно типичны для современного общества.

Принимая во внимание приведенные выше данные, можно констатировать, что общественная опасность такого явления, как нарушение правил миграционного учета, определяется следующими факторами:

- массовостью случаев фиктивных регистрации и постановки на учет;

- стремительным ростом (динамикой) зарегистрированных преступлений по ст. 322² и ст. 322³ УК РФ (в 2017 г. показатели увеличились в 1,5–2 раза);

- дестабилизацией общественных отношений (потеря контроля со стороны государства);

- большим общественным резонансом преступлений, предусмотренных ст. 322² и ст. 322³ УК РФ.

О. В. Ивушкина

(Восточно-Сибирский институт МВД России)

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ ГРУЗОВ ИЗ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ, ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ, ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ)

Железнодорожный транспорт следует считать отдельной отраслью экономики страны, имеющей свои особенности, которые обуславливают специфику преступной деятельности на данном виде транспорта и ее предупреждения¹.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что среди преступлений на объектах железнодорожного транспорта участка Транссибирской магистрали, включающего Восточно-Сибирскую, Забайкальскую, Дальневосточную железные дороги, наибольшую общественную опасность представляют именно кражи грузов, совершенные из подвижного состава. Согласно статистическим данным эта категория преступлений является самой распространенной в общей массе посягательств на грузы. Значительная их часть из года в год остается нераскрытой, высока латентность, что, несомненно, обуславливает необходимость усиления борьбы с этим видом преступлений. Основным объектом преступных посягательств являются те грузы, к которым имеется более свободный доступ².

Характеристика краж грузов из подвижного состава может быть проведена по различным критериям, прежде всего по способу проникновения.

Наиболее распространенным способом преступных посягательств является проникновение в вагоны и контейнеры через двери, с которых предварительно сняты или сорваны пломбы и закрутки (58,6%). Вскрытие осуществляется путем «перекусывания» хвостика или троса с помощью клещей-кусачек (рычажных ножниц, тросореза) вблизи шайбы и снятия ее с гибкого стержня.

¹ Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 59–63.

² Деревянко К. И. Структура преступности на железнодорожном транспорте (на примере Кузбасского УВДТ) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 125–127.

Довольно часто преступники проникают внутрь крытых вагонов через боковые и потолочные люки (12,4%). Данный способ совершения кражи более характерен для подростков.

Кражи запасных частей к автомобильной и иного рода технике осуществляются в большинстве случаев путем распломбирования дверей кабин, реже — разрушением боковых и лобовых стекол автомобилей либо свободным доступом к открыто лежащим агрегатам и деталям.

Основная масса краж грузов совершается из крытых вагонов — 58,6%; контейнеров — 17,8%; с платформ — 16,4%. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в вагонах и контейнерах перевозится большая часть ценных грузов. Значительная распространенность краж грузов с платформ объясняется сравнительной легкостью доступа к ним.

Определенная специфика присуща способам совершения краж горючесмазочных материалов (ГСМ), совершаемых из подвижного состава на участке Транссибирской магистрали. Наиболее распространенным является приведение цистерны в неисправное состояние путем пропила ригеля ушка горловины люка. Такой способ позволяет снять запорно-пломбировочное устройство без повреждения. Далее люк вскрывается и при помощи шланга перекачивается необходимое количество нефтепродукта в специально подготовленные емкости. После слива люк закрывается, а пропил скрывается слоем технической грязи либо холодной сварки. Запорно-пломбировочное устройство устанавливается вплотную к месту пропила, что не позволяет без проведения экспертизы его обнаружить.

Достаточно распространенным способом кражи нефтепродуктов является проникновение к перевозимому грузу через дыхательный клапан возле горловины цистерны. Данный способ возможен при условии не обваренного либо плохо обваренного дыхательного клапана (диаметр отверстия позволяет совершить хищение путем использования шланга соответствующего диаметра).

Так, К. из вагонов-цистерн на 20-м км железнодорожного пути Западной горловины ст. Суховская ВСЖД через дыхательный клапан цистерны слил бензин в количестве 40 литров в принесенные с собой канистры³.

Преступные посягательства на грузы носят все более организованный характер. Показательно, что значительная их часть происходит в соучастии, преступными группами, образовавшимися до преступления. Наиболее характерными способами совершения краж в составе группы

³ *Материалы уголовного дела №117004 // Архив Шелеховского городского суда Иркутской области. 2013 г.*

являются: вскрытие боковых и потолочных люков в целях хищения материальных ценностей; пролом, пропилил стен, полов вагона; проникновение через имеющиеся щели и пробоины, путем проруба потолка или стен контейнеров.

Данный факт можно объяснить тем, что в одиночку совершить кражу груза достаточно проблематично ввиду того, что инструменты, с помощью которых осуществляются проломы, пропилены, просверливания, являются весьма габаритными.

Таким образом, можно сделать вывод, что самыми распространенными способами проникновения преступников к грузам, перевозимым подвижным составом, являются: срывание закруток и запорно-пломбировочных устройств с дверей вагонов и контейнеров; кражи с открытых платформ путем повреждения ящиков с запасными частями и принадлежностями к автомобильной и иной технике; проникновение через имеющиеся повреждения, пробоины в стенах и потолках, щели в дверных проемах вагонов и контейнеров, что необходимо учитывать при разработке мер, направленных на предупреждение данного вида преступлений.

М. В. Колесников

(Омская академия МВД России)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА (СТ. 285⁴ УК РФ)

С 9 января 2018 г. вступил в действие Федеральный закон № 469-ФЗ, в соответствии с которым в Уголовный кодекс РФ включена статья 285⁴, устанавливающая ответственность за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа¹. В связи с тем, что описанные в ст. 285⁴ УК РФ противоправные действия имеют сходство со злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и их превышением (ст. 286 УК РФ), возникает необходимость их разграничения.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ // Рос. газета. 2017. 30 дек.

Так, объективная сторона преступлений, ответственность за совершение которых установлена в ст. 285 и ст. 285⁴ УК РФ, раскрыта с помощью категории «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы». Из этого можно заключить, что противоправные действия маскируются субъектом под внешне законные, совершаемые в соответствии с установленным порядком исполнения должностных обязанностей². В структуру объективной стороны обоих преступлений законодатель включил последствия в виде существенного нарушения, но в ст. 285⁴ УК РФ оно затрагивает только охраняемые интересы общества и государства, тогда как в ст. 285 УК РФ — еще и права и интересы граждан и организаций. Соответственно, сфера применения ст. 285⁴ УК РФ более узкая (ее нормы, например, не охватывают нарушения при проведении конкурсных процедур, повлекшие неправомерный отказ юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю в них участвовать).

Более того, поскольку в ч. 1 ст. 285⁴ УК РФ общественные отношения, которым преступные действия причиняют ущерб, охарактеризованы как возникающие при выполнении государственного оборонного заказа, представляется возможным сделать вывод о том, что она не может применяться для квалификации преступных действий, совершенных до заключения государственного контракта. Хотя пункт 1 ст. 3 Федерального закона «О государственном оборонном заказе»³ определяет последний как «государственное задание» на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, деятельность по его выполнению начинается после того, как посредством конкурсных процедур определены исполнители. Из этого можно сделать вывод, что действия, заключающиеся в использовании служебных полномочий вопреки интересам службы и совершенные при определении исполнителей по государственному оборонному заказу, квалифицируются по ч. 1 ст. 285 УК РФ (при условии, что будет установлена корыстная или иная личная заинтересованность субъекта).

При выполнении государственного оборонного заказа не все противоправные действия могут квалифицироваться по ст. 285⁴ УК РФ. Если они относятся к категориям, образующим превышение должностных полномочий, содеянное охватывается соответствующей частью ст. 286 УК РФ⁴. В данном случае, совершая преступные действия,

² Борков В. Н. Квалификация должностных преступлений. М., 2018. С. 87.

³ О государственном оборонном заказе : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ // Рос. газета. 2012. 31 дек.

⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Рос. газета. 2009. 30 окт.

субъект не предпринимает усилий по приданию им внешне законного вида. Например, должностное лицо требует от исполнителя бесплатно выполнить работы или оказать услуги, не оговоренные в государственном контракте, хотя на предъявление таких требований полномочий не имеет. Если предусмотренная законом обязанность исполняется не в полном объеме (например, акт приемки работ по государственному оборонному заказу подписывается без фактической проверки их выполнения), то такие действия представляют собой злоупотребление должностными полномочиями, квалифицирующееся по ст. 285⁴ УК РФ.

Как злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа могут быть квалифицированы действия должностного лица, которые сопровождаются имитацией соблюдения законного порядка реализации служебных обязанностей. Например, при осуществлении контроля за целевым использованием бюджетных ассигнований (п. 9 ст. 7 Федерального закона «О государственном оборонном заказе»), руководствуясь корыстным или личным мотивом, допускает авансирование работ, временно приостановленных исполнителем. В данном случае от должностного лица не требуется немедленной проверки причины остановки работ, а их авансирование предусмотрено п. 8 ст. 7 Федерального закона «О государственном оборонном заказе». Существенным нарушением охраняемых интересов общества или государства здесь можно признать несвоевременное исполнение государственного контракта, нарушение порядка исполнения других обязательств по государственному оборонному заказу, хозяйственные связи между соисполнителями.

Учитывая изложенное, отмечаем, что многогранность общественных отношений при выполнении государственного оборонного заказа и необходимость их усиленной уголовно-правовой охраны не могут быть компенсированы только дополнением уголовного закона ст. 285⁴. В данной сфере совершаются и другие должностные преступления. При квалификации злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа и отграничении данного посягательства от превышения должностных полномочий следует учитывать, что ст. 285⁴ УК РФ устанавливает ответственность за специальный вид должностного злоупотребления (ст. 285 УК РФ).

С. В. Лебедев

(Омская академия МВД России)

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

Не вызывает сомнения тот факт, что тема преступных посягательств на объекты недвижимости является актуальной и злободневной. Предпосылкой внесения в 2012 г. изменений в ч. 4 ст. 159 УК РФ и криминализации в 2016 г. привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве стало не только повышение уровня преступности в жилищной сфере, но и отсутствие единых правовых подходов к квалификации действий недобросовестных застройщиков (квалификация осуществлялась по ст. ст. 159, 160, 165, 201 УК РФ).

Например, спорным представляется постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара, вынесенное в ноябре 2016 г. о переквалификации деяний застройщика с ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ на ст. 200³ УК РФ, в котором судья соглашается с доводами защитника о том, что застройщик заключал с потерпевшими предварительные договоры купли-продажи квартир, по условиям которых потерпевшие приобретали пай, т. е. долю в строящемся многоквартирном жилом доме. При этом на момент заключения сторонами вышеуказанных договоров квартир как объекта гражданских прав не существовало, так как возводимый объект являлся самовольной постройкой и на нее не было зарегистрировано право собственности, а фактически квартиры не были построены¹. Следует подчеркнуть, что при этом часть денежных средств застройщик похитил. Как правильно отмечает большинство судов в своих решениях, состав преступления, предусмотренный ст. 200³ УК РФ «является формальным, диспозиция статьи не предусматривает наступление каких-либо последствий, например — в виде ущерба потерпевшим. Кроме этого, диспозиция этой статьи также не содержит указание на признаки хищения чужого имущества»². Об этом же говорится и в постановлении Пленума Верхов-

¹ *Постановление* Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 ноября 2016 г. № 1-804/2016 (по уголовному делу № 1-804/2016). URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2018).

² *Апелляционный приговор* от 15 февраля 2017 г. № 22-12558/2016 22-627/2017 по уголовному делу № 22-12558/2016 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2018).

ного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором также разъясняется, что ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве объектов недвижимости наступает в соответствии со ст. 200³ УК РФ только лишь при отсутствии признаков мошенничества. Если же умысел лица направлен на хищение чужого имущества под видом привлечения денежных средств граждан для целей инвестиционной или иной законной деятельности, которую лицо фактически не осуществляло, то содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по ст. 200³ УК РФ не требует. Потому представляется спорным предложение В. Власенко при совершении застройщиком преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ, и наличии признаков хищения дополнительно квалифицировать деяние по ст. 160 или ст. 158 УК РФ³.

Следует также помнить, что если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права, например, в случае хищения денег под видом привлечения денежных средств для участия в долевом строительстве объектов недвижимости, то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение.

Немало трудностей вызывает и понимание такого термина, как «право на жилое помещение». Часто в литературе можно было встретить мнение, что речь идет лишь о триаде правомочий собственника (право пользования, владения и распоряжения)⁴. Вышеуказанным постановлением было разъяснено, что правомочия пользования, предоставленные гражданским и жилищным законодательством, также могут быть предметом преступных посягательств, причем перечень их в постановлении пленума не является исчерпывающим. Необходимо точное определение и таких понятий, как «жилье», «жилое помещение», «право на имущество» и «право на жилое помещение». Таким образом, сотруднику правоохранительных органов для правильной квалификации совершенных преступником деяний нужны хорошие познания в области цивилистики.

Значение для квалификации имеет и размер незаконно привлеченных денежных средств. И если при квалификации деяний по ст. 159

³ Власенко В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200³ УК РФ) : вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. С. 213.

УК РФ вопросов не возникает, то для привлечения к ответственности по статье 200³ УК РФ ущерб должен быть свыше 3 млн рублей (крупный размер) и свыше 5 млн рублей (особо крупный размер). Если размер привлеченных денежных средств равен или меньше 3 млн рублей, застройщик подлежит административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.28 КоАП РФ «Нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости».

М. В. Лупырь

(Омская академия МВД России)

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, впервые был введен в действие с принятием 13 июня 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации. Изначально ст. 174 предусматривала ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо незаконным путем. Такая редакция вызвала критику, поскольку предметом преступления могло стать имущество, не только добытое преступным путем, но и полученное в результате административного правонарушения или незаконной гражданско-правовой сделки. Вызывал вопросы и особо квалифицирующий признак ч. 3 ст. 174 — совершение деяний в крупном размере, поскольку законодательно крупный размер не был определен.

Квалифицирующими признаками выступали также действия, совершенные: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) лицом с использованием своего служебного положения, влекущие наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицирующим, кроме деяний, совершенных в крупном размере, выступали действия, совершенные организованной группой.

Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ ст. 174 была изменена. Во-первых, к предмету преступления стали относиться денеж-

ные средства или иное имущество, заведомо приобретенное другими лицами преступным путем. Таким образом, законодатель ограничил круг предикатных деяний, определив их как преступные, вместо незаконных.

Во-вторых, крупный размер стал определять объективную сторону ч. 1 ст. 174. Теперь финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом могли быть совершены только в крупном размере.

В-третьих, внесенные изменения закрепили в статье цель легализации, а именно придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом.

Немаловажным дополнением также являлось определение в примечании к ст. 174 крупного размера.

В 2001 г. УК РФ был дополнен ст. 174¹, устанавливающей ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления. Содержание вновь принятой статьи отличалось от ст. 174 отсутствием цели легализации и наличием той же объективной стороны, что и в первоначальной редакции ст. 174 УК РФ, т. е. использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Помимо вышесказанного, ст. 174¹ отличалась от ст. 174 повышенной ответственностью при назначении наказания в виде лишения свободы.

Дальнейшие законодательные изменения рассматриваемых статей последовали в 2003 г. Из частей 1 ст. ст. 174 и 174¹ крупный размер совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом был исключен и в качестве квалифицирующего признака помещен в чч. 2 ст. ст. 174 и 174¹. Кроме того, из чч. 3 ст. ст. 174 и 174¹ был исключен особо квалифицирующий признак — неоднократность. Также из видов наказаний была исключена конфискация имущества, что свидетельствует о гуманизации наказания. Были изменены и границы крупного размера: сумма, превышающая 1 млн рублей. В 2009 г. крупный размер был повышен до шести миллионов рублей.

В 2010 г. в ст. 174¹, была определена цель легализации. Часть 1 ст. 174¹ вновь была дополнена определяющим состав преступления крупным размером. То, что законодатель ранее исключил из ч. 1 формулировку «в крупном размере», а теперь вновь добавил, свидетельствует о неопределенности позиции законодателя в этом вопросе. Изменения ст. 174¹ коснулись также видов и размера наказаний. В частях 1, 2 и 3 был добавлен альтернативный вид наказания — принудительные работы. Значительно были снижены сроки лишения свободы.

Последние изменения в ст. ст. 174 и 174¹ произошли в июне 2013 г. Части 4 названных статей были дополнены особо квалифицирующим признаком — «совершение деяний в особо крупном размере». В связи с этим в примечании к ст. 174 были изменены суммы крупного и особо крупного размера, на один и шесть миллионов соответственно. В части 1 ст. 174¹ не стало указания на крупный размер. Он стал квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 174¹. Таким образом, в ст. 174¹ квалифицирующие признаки были изложены так же, как и в ст. 174. Однообразие наблюдается в видах и размерах наказаний. Учитывая законодательные изменения, произошедшие за весь период действия ст. ст. 174 и 174¹, можно выделить несколько тенденций их развития.

1. Неопределенность позиции законодателя в установлении для частей 1 ст. ст. 174 и 174¹ размера легализуемого имущества. Неоднократное включение и исключение из чч. 1 ст. ст. 174 и 174¹ формулировки «в крупном размере».

2. Гуманизация наказания за совершение деяний, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ. Исключение возможности применения конфискации, увеличение альтернативных видов наказания, уменьшение предельных сумм при назначении штрафов, а также уменьшение предельных сроков при назначении исправительных работ и лишения свободы.

3. Достижение идентичности составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, их квалифицирующих признаков, видов и размеров наказаний.

Г. Н. Миронова

(Омская академия МВД России)

О МЕСТЕ ПРЕДМЕТА МЕЛКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА В СТРУКТУРЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 204² УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Непосредственным объектом мелкого коммерческого подкупа являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование коммерческой или иной организации. Рассматривая объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 204² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), следует определить место в системе этих признаков такого структурного элемента, как предмет подкупа.

В качестве предмета коммерческого подкупа диспозиция нормы ст. 204 УК РФ (общей по отношению к ст. 204² УК РФ) называет деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав. Анализируя природу предмета незаконной сделки, а также имеющиеся в научной литературе мнения, приходим к выводу, что указанный предмет не является элементом объекта преступления, находится вне его рамок.

Этот тезис можно обосновать результатами анализа структуры объекта преступления (охраняемого общественного отношения) и объективной стороны преступления, закрепленной в диспозиции нормы. Элементами общественного отношения, поставленного под уголовно-правовую охрану, являются субъекты этих отношений, объект отношения, его факultatивный вещественный признак — предмет отношения (предмет материального мира, по поводу которого возникают общественные отношения). Общественные отношения, поставленные под уголовно-правовую охрану рассматриваемого состава преступления, предмета, выраженного в материальной форме, не имеют. Нормальное функционирование как организованная деятельность системы, которой выступает коммерческая или иная организация, не имеет в качестве основы таких отношений предмета материального характера. Подобные общественные отношения можно назвать беспредметными (идеальными).

В случае совершения мелкого коммерческого подкупа посягательство происходит на нормальный порядок функционирования организации, который подразумевает, в том числе, оплату труда работников организации работодателем. Когда работник получает незаконное вознаграждение (а другая сторона передает такое вознаграждение), посредством предмета этого вознаграждения (подкупа) разрушается установленный порядок функционирования той или иной организации. Таким образом, получаемые (передаваемые) предметы выступают средством «взлома», «разрушения» сложившихся общественных отношений, действуя на них извне, т. е. являются признаком объективной стороны преступления.

Предметы подкупа передаются (получаются) определенными лицами, т. е. они выступают предметами незаконной сделки. Следует отметить, что как инструмент (средство) воздействия на общественные отношения предмет подкупа нельзя отнести к структурным элементам этого общественного отношения, он находится за его пределами.

В поддержку данной позиции можно привести выводы ученых, исследовавших взяточничество, поскольку взяточничество тоже представляет собой передачу-получение незаконного вознаграждения и сходно по объективной стороне с коммерческим подкупом. По мнению Н. И. Кор-

жанского, «имущество, ценности при взяточничестве служат средством воздействия на должностное лицо, и в этом смысле они ничем не отличаются от всякого иного орудия совершения преступления»¹. Таким образом, предмет подкупа, как и предмет взятки, выступает именно инструментом воздействия на общественные отношения, поставленные законом под уголовно-правовую охрану. И. М. Тяжкова пишет: «Если вещь используется в качестве инструмента воздействия на объект, то она является орудием или средством совершения преступления»². При характеристике взятки В. Н. Борков также приходит к выводу, что ее предмет выступает орудием ее совершения³. Этот подход с учетом однородности действий, совершаемых при взяточничестве и мелком коммерческом подкупе, должен быть единым и применяться при анализе как составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 290, 291, 291² УК РФ, так и предусмотренных ст. ст. 204, 204² УК РФ.

На основании изложенного полагаем, что передаваемые (получаемые) предметы мелкого коммерческого подкупа (ст. 204² УК РФ) по содержанию являются структурными элементами именно объективной стороны преступления. Учитывая целевое предназначение предметов подкупа, можно отнести их к средствам совершения преступления.

Д. А. Мурин

(Омская академия МВД России)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Общественная опасность прикосновенности к преступлениям против собственности представляет собой объединение двух преступлений, основного и прикосновенного, имеющих свою общественную опасность.

Характеристика содержания общественной опасности, несмотря на общую известность и распространенность данного термина, в теории российского уголовного права раскрывается по-разному. Вопреки

¹ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 130.

² Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Борков В. Н. Квалификация должностных преступлений : монография. М., 2018. С. 140.

необходимости изучения всей глубины составляющих общественную опасность элементов, к характеристике общественной опасности часто преобладает простой подход, в соответствии с которым опасность отождествляется с вредом. Согласно наиболее распространенной точке зрения общественная опасность означает причинение или создание угрозы причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в результате совершения преступного посягательства¹. В более сложных вариантах интерпретации сущности и содержания общественной опасности выделяются объективные и субъективные признаки, ближайшие и отдаленные последствия и др.

Источником общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности является увеличение возможности уклонения лица, совершившего основное деяние, от уголовной ответственности и наказания с помощью лиц, не участвовавших в его совершении. Деяния, образующие прикосновенность, опасны не сами по себе, а в связи с совершенными преступлениями.

Таким образом, общественная опасность прикосновенности имеет сложный, комплексный характер: общественная опасность основного плюс общественная опасность прикосновенного преступления. Общественная опасность основного преступления определяется тем вредом, который исходит от конкретных преступлений против собственности, в отношении которых возможна прикосновенность.

В зависимости от вида прикосновенности — укрывательство, сбыт, приобретение, легализация — круг основных преступлений различен. Так, применительно к укрывательству преступлений (ст. 316 УК РФ) в качестве основных преступлений следует назвать: грабеж (ч. 3 ст. 161); разбой (ч. 3 и ч. 4 ст. 162); вымогательство (ч. 3 ст. 163); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 4 ст. 166). Это в основном корыстно-насильственные преступления.

Применительно к сбыту, приобретению или легализации имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, основными преступлениями выступают преступления против собственности, предусмотренные нормами главы 21 УК РФ «Преступления против собственности», за исключением ст. ст. 167 и 168 УК РФ.

Общественная опасность самого прикосновенного преступления определяется ценностью объекта посягательства. Ее также принято

¹ Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 20.

определять как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные социальные изменения². Поэтому, на наш взгляд, при анализе социальных изменений, возникающих при прикосновенности к преступлениям против собственности, большое значение имеет изучение ее опасных последствий — результата этих изменений.

При этом важно правильно оценить реальную общественную опасность явлений с точки зрения причинения ущерба общественным отношениям и социальных последствий (их широты, глубины, интенсивности и инерционности). В этом большую роль играет криминология. Как справедливо отмечает М. П. Клейменов, «криминологи первыми осуществляют сбор, обработку и анализ сведений о возникновении и развитии нового общественно опасного феномена, сдерживание которого требует принятия уголовно-правового запрета»³.

Таким образом, прикосновенность к преступлению, в какой бы форме или в каком бы виде она ни выражалась, способствует распространению, существованию других преступлений. Общественная опасность прикосновенности к преступлениям против собственности определяется не только общественной опасностью самого преступления, но и в силу конструктивных особенностей прикосновенности к преступлению — общественной опасностью преступлений против собственности, которых не только совершается больше всех других преступлений, но и меньше всех раскрывается.

Н. Пурэвжал

(Омская академия МВД России)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В МОНГОЛЬСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В современных условиях одним из основных направлений уголовной политики Монголии является борьба с коррупцией, обеспечение государственной стабильности. Злоупотребление должностным положением и превышение служебных полномочий представляют особую

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. проф. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск, 2016. С. 95.

³ Клейменов М. П. Криминология : учебник. М., 2008. С. 247–248.

опасность для общества. Уголовный закон играет важнейшую роль в обеспечении нормального функционирования государства и в борьбе с должностными преступлениями. Наиболее распространенным должностным преступлением является злоупотребление должностными полномочиями.

Принятый в рамках проводимых правовых реформ новый Уголовный кодекс Монголии (далее — УК Монголии), который вступил в действие с 1 июля 2017 г., характеризуется рядом новаций. В частности, весьма существенные изменения внесены в норму, регламентирующую ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. Она сменила содержащуюся в УК Монголии 2002 г. норму о должностном злоупотреблении, расположенную в главе 28 «Преступления против служебных полномочий». В целом изменения рассматриваются как важный шаг на пути реализации положений Конвенции ООН против коррупции.

Прежде всего, в новом УК Монголии статья о злоупотреблении должностными полномочиями перенесена в главу 22 «Преступления против коррупции», которую можно рассматривать как аналог главы 28 «Преступления против служебных полномочий» УК Монголии 2002 г. Изменено название статьи 22.1 — «Злоупотребление служебными полномочиями или должностным положением», ранее она называлась «Злоупотребление служебными полномочиями или должностным положением государственным должностным лицом».

В соответствии со ст. 22.1 под злоупотреблением предлагается понимать «использование общественным должностным лицом своих служебных обязанностей, служебных полномочий и служебного положения вопреки интересам службы либо создание преимущества себе или другим лицам путем умышленного бездействия».

В новой норме содержится такой квалифицированный состав, как злоупотребление полномочиями, «совершенное лицом, занимающим государственную должность Монголии». В ранее действующей редакции квалифицированное злоупотребление совершалось «государственным должностным лицом». В предыдущем законе содержалось примечание, в соответствии с которым «должностными лицами» признавались лица, занимающие руководящие и исполняющие должности в государственных органах. В новом законе имеется определение субъекта должностных преступлений — общественного служащего.

В качестве основного объекта злоупотребления служебными полномочиями выступают общественные отношения, регулирующие нормальную работу государственного аппарата и аппарата органов местного са-

моуправления как в целом, так и отдельных его звеньев. В качестве дополнительного объекта выступают права и законные интересы граждан, организаций, охраняемые законом интересы общества и государства. Без посягательства на них действия субъекта по ст. 22.1 УК Монголии 2015 г. квалифицировать нельзя.

Законодатель значительно расширил объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 22.1 УК Монголии 2015 г., которая теперь охватывает злонамеренное использование субъектом служебных обязанностей, служебных полномочий и служебного положения вопреки интересам службы либо для создания преимущества себе или другим лицам. Злоупотребление также может быть совершено «путем умышленного бездействия». По старому закону злоупотребление состояло в использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.

По-разному в старом и новом УК Монголии законодатель определял субъекта должностного злоупотребления. Если в ранее действующем уголовном законе ответственность за злоупотребление несли должностные лица, то в соответствии с действующим УК Монголии — общественные служащие. Отсутствие единообразия в определении понятия общественных служащих в УК Монголии приводит к неясности их правового понимания и сомнению в установлении ответственности за деяния коррупционного характера. Поэтому требуется на законодательном уровне дать общее конкретное и четкое определение общественного служащего, не противоречащее нормам других законодательных актов Монголии.

Необходимо в УК Монголии определить признаки субъектов злоупотребления полномочиями, сформулировав определения общественного служащего и лица, занимающего государственную должность. Предлагаем изложить примечание к ст. 22.1 «Злоупотребление служебными полномочиями или должностным положением» УК Монголии в следующей редакции:

«Примечание 1. Общественными служащими в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию занимающие руководящие и исполнительные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных унитарных предприятиях или акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит государству».

Л. Р. Рашитов

(Казанский юридический институт МВД России)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современное состояние миграционной преступности позволяет называть ее угрозой национальной безопасности России. Рост нелегальной и вынужденной миграции оказывает сильное воздействие на все сферы жизни общества, заметно влияя на формирование национального состава населения, демографические показатели, уровень и образ жизни людей. Миграционные процессы неизбежно влекут обострение отношений между общественными, религиозными и другими объединениями и институтами государственной власти.

Решение проблемы нелегальной миграции во многом связано с вопросами социально-экономического развития, стабилизацией политической обстановки в России, урегулированием вооруженных этнополитических и региональных конфликтов на постсоветском пространстве.

Урегулирование всех противоречий, вызванных указанными процессами, невозможно посредством только карательных методов, требуются усилия широкого круга субъектов обеспечения криминологической безопасности.

По нашему мнению, в настоящее время назрела необходимость кодифицирования миграционного законодательства и создания условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, установления соответствия их международным стандартам и взятым Россией обязательствам, вытекающим из действующих на ее территории международных документов. В связи с этим требуется внести соответствующие изменения в законодательство, а также принять ряд федеральных законов. Так, важным нормативным правовым средством обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства от криминальных проявлений нелегальной миграции могут стать законодательные акты «О трудовой миграции в России», «О правилах регистрации и пребывания на территории России граждан, прибывших из стран СНГ», «О создании механизма противодействия перемещению финансовых средств, полученных преступным путем, из одной страны в другую» и др.

Вторую группу предупредительных мер должны составить меры ограничительного, режимного характера. Российская Федерация ратифицировала Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией, предусматривающее меры, реализация которых позволит создать эффективную систему контроля, препятству-

ющую незаконному въезду и пребыванию иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны.

Безусловно, своевременным и обоснованным является создание банка данных для обеспечения обмена информацией между странами СНГ о реальном состоянии миграционных процессов и их влиянии на криминальную ситуацию.

Следующим шагом в сотрудничестве государств должно стать налаживание механизма возвращения незаконных мигрантов (реадмиссии), создание необходимой для этого законодательной базы, материального и ресурсного обеспечения.

Важнейшим условием, способствующим снижению уровня незаконной миграции, является активное противодействие незаконному осуществлению иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности. В данном направлении изменению ситуации в лучшую сторону может существенно способствовать Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), которая оказывает государственные услуги в сфере содействия занятости населения и трудовой миграции.

Таким образом, комплекс специально-криминологических мер обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства от криминальных проявлений нелегальной миграции в России должен включать:

- совершенствование системы регистрационного учета, создание условий для регистрации мигрантов в первые сутки пребывания в регионе;

- осуществление должного контроля за соответствием мест фактического проживания мигрантов и адреса, указанного при регистрации;

- ужесточение ответственности за предоставление жилых помещений на территории региона для проживания лиц, официально не зарегистрированных в подразделениях по вопросам миграции системы МВД;

- ужесточение ответственности предприятий, привлекающих к проведению работ мигрантов, официально не зарегистрированных в подразделениях по вопросам миграции МВД России;

- выработку необходимой правовой базы для своевременного получения криминологически значимой информации о мигрантах из стран ближнего и дальнего зарубежья;

- совершенствование системы специальных операций, проводимых в местах традиционного трудоустройства мигрантов (рынки, вокзалы, автосервисы, автомойки и т. д.);

- контроль за местами компактного проживания мигрантов, особенно при высокой степени их этнической однородности (общежития и пр.).

И. П. Родивилин

(ГУ МВД России по Иркутской области)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПУНКТОВ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОСТУПА К СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Рост мирового информационного пространства и развитие компьютерных технологий несут как положительный потенциал развития, так и ряд отрицательных факторов. Одним из факторов, способных негативно влиять на социальную жизнедеятельность, выступает преступность. В современных условиях она превращается в глобальную общечеловеческую проблему¹.

Компьютерные сети все шире применяются во многих областях жизни российского общества. Столь же быстро растет число преступлений, связанных с использованием сетевого доступа, множатся способы и формы совершения такого рода деяний. Прямая зависимость роста преступлений в сфере компьютерной информации от увеличения общего количества пользователей интернет-пространства также представляется очевидной и вполне закономерной и, по экспертным оценкам, темпы роста преступности в глобальной сети Интернет являются самыми быстрыми на планете².

Будучи принципиально новым явлением, киберпреступность имеет характерные признаки, которые выделяют ее из всей массы преступных деяний. К ним можно отнести следующие: высокая степень латентности, многообразие способов совершения преступлений, транснациональный, глобальный характер деятельности, сложности и особенности уголовно-процессуального производства, преимущественно на стадии досудебно-рассмотрения, в том числе касающиеся сбора доказательств.

Методы противодействия преступлениям должны соответствовать современным реалиям. Масштабы киберпреступлений, низкая результативность принимаемых мер по борьбе с этим явлением во многом объясняются отсутствием эффективного правового и административного контроля за сетью Интернет³.

¹ Багаутдинов Ф. Н., Хафизова Л. С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). М., 2008. С. 91.

² Номоконов В. А. Глобализация информационных процессов и преступность. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223215> (дата обращения: 05.02.2018).

³ Номоконов В. А., Тропова Т. Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М., 2013. № 5(10). С. 148–160.

Как правило, при совершении противоправного деяния злоумышленники пытаются обезопасить себя и используют разные способы, чтобы остаться неопознанными в виртуальном пространстве. Существует много способов сохранить анонимность — анонимайзеры, прокси-сервер, сеть TOR и т. д. Однако существует и более простой и доступный способ скрыть свою личность в глобальной паутине — воспользоваться пунктом коллективного доступа к сети Интернет. Это можно сделать двумя способами: первый — бесплатное **Wi-Fi-соединение в кафе, ресторанах, вокзалах, аэропортах и т. д.**; второй — интернет-кафе.

Доступу к **Wi-Fi-соединению в местах общего доступа государство в последнее время уделяет внимание.** Например, принято постановление Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (далее — Постановление № 758)⁴. Внесенные изменения гласят, что теперь оператором связи должна осуществляться идентификация пользователей сети Интернет через установление фамилии, имени и отчества (если оно имеется), которые подтверждаются паспортом или иным документом, удостоверяющим личность. Кроме того, установление личности пользователя возможно «иным способом, обеспечивающим достоверное установление указанных сведений».

Несмотря на то, что данное постановление вступило в законную силу уже несколько лет назад, механизм его реализации на практике так и не установлен. Более того, многие владельцы коллективных точек доступа в сеть Интернет до сих пор не знакомы с разъяснениями Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

В изменениях, введенных Постановлением № 758 в Правила оказания услуг связи, не указано, что идентификация пользователей коллективных точек доступа Wi-Fi обязательно должна происходить только через мобильные номера российского оператора. Но иностранные сотовые операторы информацию о владельце номера телефона могут и не предо-

⁴ *О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»* : постановление Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 758 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32, ст. 4525.

ставить. На сайте государственных услуг иностранные граждане тоже не зарегистрированы. Для удостоверения личности иностранец может предъявить администрации общественного места, где установлена точка доступа к Wi-Fi, паспорт, оформить СИМ-карту российского оператора связи и авторизоваться с ее помощью.

С технической точки зрения организовать доступ к сети Интернет в общественных местах по документу, удостоверяющему личность, или с привязкой к телефонному номеру несложно. Для этого следует организовать так называемый гостевой доступ, для получения которого на специальной web-странице заполнить определенную форму. Помимо фамилии и имени необходимо затребовать и дополнительные данные, например, номер мобильного телефона или адрес электронного почтового ящика. После создания учетной записи пользователь должен получить логин и пароль (если включить режим доступа по логину/паролю, а не доступ без регистрации). Сделать это возможно следующими способами: распечатать на принтере реквизиты доступа и принести гостю вместе с меню; отправить на электронный почтовый ящик (для этого у гостя должен быть доступ к нему); направить реквизиты доступа в СМС-сообщении.

Если для исключения анонимного пользования пунктами коллективного доступа к Wi-Fi в общественных местах законодательная база есть, хотя механизм четко не проработан, то интернет-кафе продолжает оставаться привлекательным местом для киберпреступников из-за возможности анонимного доступа к сети.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что отсутствие должного государственного контроля за пунктами коллективного доступа в сеть Интернет позволяет киберпреступникам скрывать свою личность, что затрудняет выявление виновных лиц.

И. В. Чепик

(Омская академия МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦА, САМОВОЛЬНО ОСТАВИВШЕГО МЕСТО ОТБЫВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА.

Лицо, подвергнутое наказанию в виде административного ареста, находится в изоляции от общества, препятствующей бесконтрольным контактам, свободному передвижению, получению либо передаче каких-либо предметов и др.

Самовольное оставление места отбывания административного ареста является административным правонарушением, за которое предусмотрена административная ответственность по ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ. В данном случае отсутствует состав преступления, закрепленный ст. 313 УК РФ. Во-первых, не выполнена объективная сторона, которая заключается в самовольном оставлении осужденным или лицом, находящимся под стражей, места лишения свободы¹, следственного изолятора либо иного места, определяемого федеральным законом (п. 42 ст. 5 УПК РФ).

Местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых являются: следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов Федеральной службы безопасности².

В соответствии с Федеральным законом «О порядке отбывания административного ареста» местами отбывания административного ареста служат подразделения территориальных органов федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере внутренних дел³. Таким образом, исполнение рассматриваемого наказания возложено на органы внутренних дел. Непосредственно эту функцию выполняют специальные учреждения, которые именуются специальными приемниками для содержания лиц, арестованных в административном порядке⁴. Но при отсутствии в территориальном органе МВД России специального приемника для содержания лиц, подвергнутых административному аресту, либо при отсутствии возможности для помещения в него лиц, подвергнутых административному аресту, указанные лица могут помещаться в ИВС с соблюдением для них Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста и требований раздельного содержания и изоляции от

¹ *Боженюк С. А., Грачева Ю. В., Ермакова Л. Д.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2015. С. 836.

² *О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений* : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *О порядке отбывания административного ареста* : федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Воронцов С. Н.* Административный арест: проблемы и перспективы правоприменения // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты.* 2014. № 12. С. 223.

подозреваемых и обвиняемых⁵. Из вышесказанного вытекает, что административный арест может исполняться как в специальных приемниках для содержания лиц, подвергнутых административному аресту, так и в ИВС, которые относятся также и к местам содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Несмотря на это административно-арестованные помещаются в именно для отбытия административного наказания, значит в них данном случае самовольное оставление ИВС административно-арестованным не будет приравнено к побегу из-под стражи.

Во-вторых, отсутствует субъект преступления, который в соответствии со ст. 313 УК РФ является специальным, — лицо, отбывающее лишение свободы, а также подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, к которому применена мера пресечения — заключение под стражу. Субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ выступает лицо, отбывающее административный арест либо уклоняющееся от его отбывания.

В-третьих, различны объекты, на которые посягают деяния, и сфера законодательства, направленная на их охрану. В случае административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ, объектом являются общественный порядок и общественная безопасность, при совершении преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, — это нормальная деятельность правосудия.

При самовольном оставлении лицом места отбывания административного ареста и применении при этом насилия в отношении представителя власти совершаются различные по правовой природе деяния, первое из которых относится к ведению административного права, второе — уголовного права. Часть 3 ст. 313 УК РФ применяться не может, так как побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи не происходит и лицо было привлечено к административной ответственности, а не к уголовной.

Насилие в отношении представителя власти следует квалифицировать в зависимости от степени опасности для его жизни и здоровья по ч. 1 или ч. 2 ст. 317 или ст. 318 УК РФ.

Следовательно, в рассматриваемой ситуации совершение таких актов действия, как самовольное оставление места отбывания административного ареста и при этом применение насилия в отношении представи-

⁵ *Наставления по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых* : приказ МВД РФ от 7 марта 2006 г. № 140 ДСП.

теля власти должно квалифицироваться отдельно по нормам КоАП РФ (ч. 2 ст. 20.25) и УК РФ (ст. 317 или ст. 318).

Учитывая, что в УК РФ в настоящее время имеются составы с административной преюдицией, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о дополнении УК РФ новой нормой, предусматривающей ответственность за неоднократное самовольное оставление места административного ареста или уклонение от административного ареста лицом, уже подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, поскольку такое поведение демонстрирует явное неуважение к закону.

Б. Чулуунбаатар

(Омская академия МВД России)

ОТМЕНА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ

В России основания отмены условно-досрочного освобождения от отбывания наказания определены ч. 7 ст. 79 УК РФ, а именно:

1) совершение осужденным административного правонарушения в сфере охраны общественного порядка (п. «а»);

2) злостное уклонение осужденного от исполнения возложенных судом обязанностей, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера (п. «а»);

3) совершение осужденным преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести (п. «б»);

4) совершение осужденным тяжкого или особо тяжкого преступления (п. «в»).

Первым основанием отмены условно-досрочного освобождения является совершение осужденным административного правонарушения в сфере охраны общественного порядка, в результате которого последовало наложение административного взыскания. Перечень данных нарушений содержится в законодательстве об административных правонарушениях. Отмена условно-досрочного освобождения оправданна лишь в том случае, если это совершенное правонарушение однородно с преступлением, за которое осужден условно-досрочно освобожденный. В противном случае возобновление отбывания наказания нецелесообразно.

Следующее основание отмены условно-досрочного освобождения — злостное уклонение осужденного от исполнения возложенных на него обязанностей, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера — имеет ряд особенностей в правовом регулировании. Так, понятие «злостности» в исследуемом контексте ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве не раскрывается. В части 5 ст. 190 УИК РФ дается лишь определение понятия «систематическое неисполнение обязанностей», под которым понимается совершение запрещенных или невыполнение предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение года либо продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных на него судом.

Наличие данного основания не должно автоматически влечь отмену условно-досрочного освобождения. Главенствующим в этой ситуации является выяснение обстоятельств, которые повлекли невыполнение лицом обязанностей. Видимо, злостность здесь рассматривается законодателем как синоним систематичности. Верным видится мнение С. Г. Барсуковой, согласно которому при отмене условно-досрочного освобождения судья должен выяснить, имелась ли у условно-досрочно освобожденного реальная возможность исполнить возложенные на него судом обязанности. Если же он не выполнил их по каким-либо уважительным причинам, оснований для отмены условно-досрочного освобождения не имеется¹. Важно отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ² отмена УДО может влечь и злостное уклонение от принудительных мер медицинского характера, назначенных судом.

Еще одним факультативным основанием отмены условно-досрочного освобождения является совершение осужденным преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести. Если это произошло в период испытательного срока, вопрос об отмене условно-досрочного освобождения решается судом. Если суд постановляет сохранить условно-досрочное освобождение, то назначается и исполняется только наказание за новое преступление, а за прошлое преступление продолжает идти испытательный срок.

¹ Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 86.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Последним основанием отмены УДО является совершение осужденным тяжкого или особо тяжкого преступления. В этом случае суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УПК РФ. По этим же правилам назначается наказание в случае совершения преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести, если суд отменяет условно-досрочное освобождение.

Таким образом, российским законодателем проведена определенная работа по смягчению действующего законодательства в части, касающейся учета поведения осужденного при условно-досрочном освобождении, хотя остается еще достаточно широкий круг вопросов, которые предстоит решать.

Изменения в государственной политике Монголии в области освобождения от наказания находятся в центре внимания государственных и негосударственных организаций, а также всего общества. В рамках правовых реформ принят новый Уголовный кодекс Монголии 2015 г., который вступил в действие с 1 июля 2017 г.³

В статье 6.12 УК Монголии указаны основания отмены условно-досрочного освобождения:

- 1) нарушение возложенных на осужденного обязанностей (ч. 3);
- 2) совершение преступления по неосторожности (ч. 5);
- 3) совершение умышленного преступления (ч. 4).

Первым, факультативным основанием отмены условно-досрочного освобождения является нарушение в контрольный период возложенных на осужденного обязанностей. По согласованию с прокурором суд аннулирует постановление и назначает к исполнению неотбытую часть наказания.

Вторым, также факультативным основанием отмены служит факт совершения преступления по неосторожности. В этом случае вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом.

Третьим основанием отмены условного освобождения является совершение условно-досрочно освобожденным умышленного преступления. Согласно ст. 6.9 УК Монголии суд добавляет к неотбытой части наказания наказание за новое совершенное преступление.

Предыдущий Уголовный кодекс Монголии 2002 г. в ст. 74 предусматривал следующие основания отмены условно-досрочного освобождения:

³ Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль // Төрийн мэдээлэл. 2017. № 23 [УПК Монголии // Государственная информация. 2017. № 23].

- 1) злостное уклонение осужденного от исполнения обязанностей, возложенных на него, в контрольный период (ч. 8);
- 2) совершение осужденным административного правонарушения в сфере охраны общественного порядка (ч. 8);
- 3) совершение новых преступлений (ч. 9).

Мы видим, что предыдущий уголовный закон Монголии более четко указывал основания отмены УДО в части злостного уклонения осужденного от исполнения обязанностей, возложенных на него, и административного правонарушения в сфере общественного порядка.

Кроме того, в настоящее время недостаточно внимания уделено сложным вопросам практики отмены условно-досрочного освобождения в Монголии. По данному поводу настоятельно требуются разъяснения Пленума Верховного Суда Монголии.

Таким образом, ранее действующее уголовное законодательство Монголии имело значительное сходство с российским уголовным законодательством до внесения в последнее изменений федеральными законами № 26-ФЗ от 7 марта 2011 г. и № 14-ФЗ от 29 февраля 2012 г. На данный момент законодательство Российской Федерации в части отмены УДО является более совершенным, чем предыдущий и действующий монгольский уголовный закон. Для эффективного применения института условно-досрочного освобождения следует более полно осмысливать и учитывать российский опыт.

Ж. Энхтур

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА В МОНГОЛИИ

Правовая гарантия безопасности общества должна быть обеспечена эффективными мерами и средствами уголовно-правового воздействия. Исходя из этого отметим, что эффективность уголовно-правовых мер во многом зависит от того, насколько справедливым и исполняемым является наказание.

Осуществляемая в настоящее время в Монголии реформа в области уголовного и уголовно-исполнительного права влечет разработку и принятие новых законов, способствующих изменению уголовно-правовой политики наказания, том числе в виде штрафа. Последний как уголовное наказание присутствовал во всех уголовных законах Монголии.

В рамках проходящей реформы в Монголии 1 июля 2017 г. был введен в действие новый Уголовный кодекс (далее — УК). Одновременно с ним введен в действие Уголовно-исполнительный кодекс. В ранее действовавшем УК Монголии штраф назначался следующим образом: «Штраф назначается в размере от пяти до пятисот минимальных размеров одной месячной оплаты труда»¹. Согласно ч. 1 ст. 5.3 действующего УК Монголии «штраф есть возложение денежного взыскания на лицо, совершившее преступление, в размере, равном штрафной единице, предусмотренной Особенной частью настоящего Кодекса». Этой же статьей установлены размеры штрафа: «Размер штрафа устанавливается тугриками в размере от ста до сорока тысяч единиц»².

Особенности регулирования порядка исполнения штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления, вызваны необходимостью совмещения задач и целей исполнительного производства с целями и задачами назначения и исполнения уголовного наказания.

В числе причин снижения числа случаев назначения штрафа следует назвать и его низкую исполняемость. Так, по данным Главного управления исполнения судебных решений Монголии, в 2013 г. число наказаний в виде штрафа, назначаемого в качестве основной меры уголовного наказания, составило 238, из них исполнено 184; в 2014 г. соответственно — 212 и 146; в 2015 г. — 266 и 188; в 2016 г. — 107 и 91; в 2017 г. — 243 и 167.

Анализ данных за последние пять лет свидетельствует о том, что исполняемость назначенного наказания в виде штрафа довольно низка. Если количество осужденных, приговоренных к штрафу, колебалось в рамках 3,7% от общего количества осужденных к другим видам наказаний, то уровень его исполняемости уменьшался. На наш взгляд, данная проблема связана с тем, что при назначении штрафа не учитывается имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода.

Безусловно, при назначении наказания в виде штрафа фактором, способствующим низкой исполняемости рассматриваемого нами наказания, в первую очередь является уровень бедности населения. Некоторые исследователи проводили анализ, согласно которому на сегодняш-

¹ URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/12172> (дата обращения: 10.03.2018).

² Уголовный кодекс Монголии. Улан-Батор, 2017. С. 17.

ний день уровень бедности населения Монголии составляет около 30%³. Как видим, данный показатель объективно не может не влиять на исполняемость наказания в виде штрафа. Бедность служит одной из основных причин неисполняемости наказания в виде штрафа.

Таким образом, анализ исполнения уголовного наказания в виде штрафа в Монголии позволяет сделать вывод об отсутствии в уголовном законодательстве соответствующего указания об учете обеспеченности лица при назначении штрафа. Полагаем необходимым учитывать платежеспособность осужденного при назначении ему наказания в виде штрафа. Думается, что соблюдение этого правила поможет повысить уровень исполняемости рассматриваемого наказания.

³ URL: <http://www.ubsat.mn/StatTable=390> (дата обращения: 13.03.2018).

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Л. Л. Абрамова

(Омская академия МВД России)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ
КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОЦЕНКИ
ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ НАЧАЛА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Норма, отраженная в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, раскрывает такое основание для возбуждения уголовного дела, как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Анализируя категорию «основание для возбуждения уголовного дела», необходимо рассматривать два аспекта. Первое — это наличие достаточных данных, свидетельствующих о том, что деяние содержит признаки преступления. Второе — наличие достаточных данных, указывающих на то, что противоправное деяние действительно имело место. Логично предположить, что признаки преступления выступают как элементы фактических оснований для начала предварительного расследования.

Согласно ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Признаками преступления являются общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Оценка характера и степени общественной опасности деяния имеет значение при определении основания для возбуждения уголовного дела, поскольку эти критерии позволяют отграничить признаки преступления от мелких проступков. Предварительный вывод о преступлении основывается, как правило, на сведениях о том, что предполагаемые действия являются общественно опасными. Однако анализ судебной практики свидетельствует, что в ряде случаев решение

о возбуждении уголовного дела принимается незаконно, ввиду ошибочного установления одного из признаков преступления — общественной опасности. Это порождает принятие решений о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, вынесение оправдательных приговоров, другие негативные последствия. Указанное неприемлемо в условиях сложной экономической ситуации, с одной стороны, и необходимости ведения эффективной борьбы с преступностью — с другой. В связи с этим существует настоятельная потребность в выработке оптимального порядка и механизма принятия решения о возбуждении уголовного дела. Не случайно современный отечественный законодатель, продолжая традиции советского уголовного процесса, регламентировал начальный этап досудебного производства как обособленную стадию, имеющую свои временные границы, задачи, средства, итоговые решения. Стадия возбуждения уголовного дела должна выполнять роль своеобразного фильтра, не допускающего проведение в дальнейшем предварительного расследования в отсутствие подтвержденных данных о наличии признаков преступления¹.

Примером рассматриваемой проблемы служит решение суда надзорной инстанции, отменившее кассационное определение и приговор суда первой инстанции в отношении Свитковой С. Л., осужденной по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Свиткова С. Л. обвинялась в подделке медицинской справки. Производство по делу прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Президиум мотивировал свое решение тем, что действия Свитковой С. Л. без достаточных оснований расценены как уголовно наказуемые, уточнив, что в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности².

Имеются случаи вынесения оправдательного приговора по результатам рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции. Так, Белоненко Г. Н. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, за отсутствием в деянии состава преступления. Белоненко Г. Н. обвинялся в том, что незаконно хранил в своем доме шесть патронов к охотничьему нарезному огнестрельному оружию. Совокупностью собранных доказательств установлено, что он до определенного времени являлся законным владельцем огнестрельного оружия. После аннулирования разрешения Белоненко Г. Н. продал ружье, а шесть патронов

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. 1278 с.

² Постановление Президиума Ярославского областного суда от 16 марта 2011 г. в отношении Свитковой С. Л. URL: <http://oblsud.jrs.sudrf.ru> (дата обращения: 06.03.2018).

к нему продолжал хранить. Судом разъяснено, что его действия формально содержат признаки состава преступления, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности, поскольку боеприпасы до определенного времени хранились на законных основаниях, в небольшом количестве, тяжких последствий от совершенного им деяния не наступило, отсутствовала какая-либо цель использования боеприпасов. Судом при этом отмечено, что критерием оценки опасности деяния выступает степень выраженности юридических признаков в содеянном. Как видно из приведенных примеров, судом совершенно безоговорочно был установлен признак противоправности (запрещенности) деяния. Однако в каждом случае оправдания лица доводы суда основывались на низкой степени либо полном отсутствии общественной опасности. В действующем законодательстве не содержится четкого определения или критериев малозначительности³.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что решение о начале предварительного расследования может быть принято лишь в случае совершения деяния, содержащего два взаимосвязанных признака преступления, — общественной опасности и противоправности. При этом подлежит обязательному установлению факт отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу. Во всех других случаях основание для начала обвинительной деятельности отсутствует.

Ю. А. Андриенко

(Омская академия МВД России)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ БЫСТРОТЫ И ПОЛНОТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Быстрота и полнота являются наиболее показательными критериями оценки эффективности предварительного расследования. От того, в какие сроки следователь окончит следствие по уголовному делу и в каком объеме установит обстоятельства, подлежащие доказыванию, зависят соблюдение прав участников уголовного судопроизводства и результат рассмотрения дела по существу в суде.

Быстрота находит свое выражение в принципе разумного срока, введенном в ст. 6¹ УПК РФ Федеральным законом от 30 апреля 2010 г.

³ Приговор Крутихинского районного суда Алтайского края в отношении Белоненко Г. Н. URL: <http://krutihinsky.alt.sudrf.ru> (дата обращения: 06.03.2018).

№ 69-ФЗ¹. Суть данного принципа заключается в том, что сроки производства по уголовному делу не могут быть неопределенными и произвольными. Волокита при разбирательстве по уголовному делу может повлечь нарушения как гарантированного ст. 46 Конституции РФ права обвиняемого на судебную защиту, так и установленного ст. 52 Конституции РФ права потерпевшего на доступ к правосудию. И если в судебном заседании конкретных сроков не установлено, то на стадии досудебного производства по уголовному делу уголовно-процессуальным законом определены четкие сроки, а также средства по контролю за законностью и обоснованностью их продления. Указанные обстоятельства требуют от следователя неукоснительного соблюдения установленных УПК РФ процессуальных сроков как для разрешения самого уголовного дела, так и для обеспечения прав и законных участников уголовного судопроизводства.

Полнота расследования означает обязанность следователя устанавливать по делу все обстоятельства, характеризующие преступление и в своей совокупности образующие предмет доказывания². И хотя в действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., отсутствует принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, системный анализ норм современного уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод, что законодатель не смог в полной мере отказаться от требований обеспечения полноты расследования. В связи с этим для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу следователю, хотя и отнесенному законом к стороне обвинения, необходимо установить широкий перечень обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, среди которых обстоятельства, подтверждающие причастность обвиняемого к инкриминируемому деянию, и обстоятельства, которые могут свидетельствовать о его невиновности.

Таким образом, при расследовании уголовного дела перед следователем стоит комплексная задача окончить его в кратчайший или разумный срок, при этом обеспечивая исчерпывающее установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

УПК РФ предусмотрены различные способы и средства обеспечения следователем быстроты и полноты исследования обстоятельств престу-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003. С. 36.

пления. Среди них возможности использования оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения производства по уголовному делу, а также средства контроля и надзора за деятельностью следователя. Важнейшая роль в обеспечении быстроты и полноты предварительного расследования принадлежит процессу доказывания, заключающемуся в собирании, оценке и проверке доказательств.

Вместе с тем волокита и неполнота следствия уже на протяжении многих лет являются главными проблемами органов предварительного расследования. В правоприменительной практике на стадии досудебного производства по-прежнему остается значительным число нарушений принципа разумного срока, а в структуре следственных ошибок пробелы предварительного расследования — односторонность, неполнота, занимают первое место.

Кроме того, следует акцентировать особое внимание на том, что ошибки, допущенные следователем на стадии досудебного производства, влияют на судебное разбирательство и, в конечном счете, на решение суда по уголовному делу. Прежде всего это связано с тем, что в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, решениями Конституционного Суда РФ суд не уполномочен возвращать дело прокурору, если в ходе судебного рассмотрения обнаружена ошибка, для устранения которой необходимо восполнение неполноты предварительного расследования.

Вышеперечисленные проблемы предварительного следствия требуют как научного осмысления самих понятий быстроты и полноты, так и анализа способов и средств их обеспечения, а также функционально-правового аспекта деятельности следователя.

Г. Е. Брызгалов

(Барнаульский юридический институт МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

Стремительные темпы развития современных информационных и финансовых технологий позволяют организованной преступности ис-

пользовать новые платежные механизмы для распределения наркодоходов и для проведения взаиморасчетов между наркодельцами, в связи с чем в работе правоохранительных органов по выявлению и доказыванию такого вида преступлений возникают трудности.

Как показывает практика, данные преступления в основном выявляются в процессе расследования предикатного преступления, совершенного в сфере незаконного оборота наркотиков, действия обвиняемых дополнительно квалифицируются по статьям 174, 174¹ УК РФ.

Практика рассмотрения судами оконченных следователями органов внутренних дел уголовных дел указанной категории складывается следующим образом: по 2/3 уголовных дел вынесены оправдательные приговоры, по 1/3 — обвинительные приговоры.

В большинстве случаев поводом для оправдания являлось отсутствие данных о том, что лицо совершило финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или имуществом. По мнению судов, совершение каких-либо операций с доходом, который обвиняемый ранее приобрел преступным путем, представляло собой лишь способ распоряжения этими средствами.

Как и при расследовании большинства дел о преступлениях в сфере наркобизнеса, совершенных в организованных формах, на первоначальной стадии расследования подобных уголовных дел имеются сложности, связанные со следующими факторами:

- 1) невозможностью установления всех членов преступного сообщества, их отношений, лидерства, а также совершенных его участниками преступлений;
- 2) активным воспрепятствованием расследованию совершенных преступлений со стороны преступного сообщества;
- 3) многоэпизодностью уголовных дел, большим количеством подозреваемых (обвиняемых);
- 4) межрегиональностью преступлений, затрудняющей документирование преступной деятельности;
- 5) изолированным способом отмывания денежных средств;
- 6) бесконтактным способом сбыта наркотических средств;
- 7) мобильностью участников преступного сообщества.

При этом аналогичные сложности возникают у следователей при расследовании уголовных дел, возбужденных по фактам хищений денежных средств граждан с использованием вредоносных компьютерных программ.

Так, в целях сокрытия полученных от сбыта наркотических средств доходов, источника их происхождения, придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению данными денежными средствами обвиняемый совершал финансовые операции, аккумулируя незаконные доходы на счетах, зарегистрированных на третьих лиц в одной и той же платежной системе. Для получения денежных средств от сбыта наркотиков он использовал в качестве QIWI-кошельков фактически находящиеся в его распоряжении абонентские номера операторов сотовой связи, а для проведения финансовых операций с этими денежными средствами и последующего их обналичивания — банковские карты ЗАО «Банк Русский Стандарт», ОАО «АЛЬФА-БАНК» и «Тинькофф Кредитные Системы». В результате указанные денежные средства теряли связь с ранее совершенными преступлениями и лицом, их совершившим, что в условиях отсутствия у обвиняемого правовой обязанности доказывания соответствия фактических расходов полученным доходам позволяло ему владеть, пользоваться и распоряжаться денежными средствами как якобы полученными на законном основании. На перечисленные выше электронные кошельки были получены денежные средства в размере 15,4 млн рублей.

Из этих средств обвиняемый на 1 млн рублей в г. Новосибирске приобрел автомобиль «LEXUS RX330», оформив договор купли-продажи на имя своей сестры и указав в нем фиктивную сумму сделки в 100 тыс. рублей. На 223 тыс. рублей в г. Барнауле он приобрел без оформления в Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России автомобиль «TOYOTA COROLLA SPACIO». Тем самым совершил легализацию этих денежных средств, поступление их в легальный экономический оборот.

Таким образом, тесное взаимодействие всех служб органов внутренних дел, творческий, нестандартный подход к раскрытию и расследованию преступлений, эффективное использование технического потенциала, строгое соблюдение закона позволяют добиться должных результатов по уголовным делам, возбужденным по фактам хищений денежных средств граждан с использованием вредоносных компьютерных программ.

И. А. Вормсбехер

(Омская академия МВД России)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Как справедливо отмечает ряд ученых, субъективное право, как и юридическая обязанность, являются важнейшим элементом оперативно-розыскных правоотношений и статуса субъектов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД)¹. Действительно, данные правовые институты играют ключевую роль во взаимоотношениях должностных лиц, органа, осуществляющего ОРД, и граждан, привлекаемых к участию в оперативно-розыскных мероприятиях (далее — ОРМ).

Рассматривая действующую законодательную модель системы прав и обязанностей граждан, участвующих в проведении ОРМ, отметим, что законодатель в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)², закрепляя обязанности и права органов, осуществляющих ОРД, не уделяет должного внимания регламентации соответствующих элементов правового положения иных субъектов и участников ОРМ. Аналогичной точки зрения придерживается Е. В. Кузнецов, который полагает, что права и обязанности других субъектов применительно к ОРД в законе четко не выделены, и во многих случаях в контексте рассматриваемого вопроса нормы Закона об ОРД носят сугубо бланкетный характер, заставляя правоприменителей обращаться к другим нормативным правовым актам³. На наш взгляд, это может объясняться относительной молодостью оперативно-розыскной отрасли права, а также особенностями ее правового регулирования.

Рассматривая механизм закрепления прав и обязанностей участников ОРМ в оперативно-розыском законе, мы приходим к выводу, что большая их часть закреплена в главе 4 Закона об ОРД, устанавливающей порядок и условия содействия граждан, а также меры их со-

¹ Вагин О. А., Исиченко А. П., Четчин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : постатейный. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

³ Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 51.

циальной и правовой защиты. В законе отсутствуют статьи, конкретно закрепляющие правовой статус участников ОРМ, кроме того, нами не усматривается закрепление прав и обязанностей участников ОРМ в статьях, регламентирующих принципы ОРД либо производство различных ОРМ. Проведенный нами анализ действующего оперативно-розыскного законодательства позволяет сделать вывод о бессистемности и поверхностности изложения соответствующих элементов правового положения граждан, участвующих в проведении ОРМ. Аналогичной точки зрения придерживается Н. В. Павличенко, который весьма справедливо характеризует нормативное закрепление их прав и обязанностей как изложенное «в декларативной форме и достаточно размыто»⁴.

В целях оптимизации правового регулирования ОРД считаем целесообразным включить в Закон об ОРД статьи, определяющие перечень прав и обязанностей граждан, участвующих в проведении ОРМ⁵.

1. Предлагаем установить следующие права:

- на участие в подготовке и проведении ОРМ;
- на выбор формы оказания содействия;
- на защиту сведений о содействии органам, осуществляющим ОРД;
- на получение материальных компенсаций (вознаграждения и другие выплаты) за выполненную работу;
- на государственную защиту жизни, имущества конфидендента, его семьи и близких при наступлении негативных последствий;
- на освобождение от уголовной и иной ответственности при выполнении определенных условий, предусмотренных федеральным законодательством;
- на доступ к государственной тайне в объеме, который необходим им для исполнения своих обязанностей при оказании содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД;
- на вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам общества и государства.

⁴ Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : монография. Омск, 2011. С. 149.

⁵ На необходимость законодательного закрепления прав и обязанностей участников ОРМ указывают 61,3% опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений. Ответы респондентов на вопрос, каким нормативным правовым актом должны быть регламентированы эти элементы, распределились следующим образом: Законом об ОРД — 69,4%, иным федеральным законом — 20,2%, ведомственным нормативным правовым актом — 10,4%.

2. К обязанностям следует отнести:
 - сохранение в тайне сведений, ставших им известными в ходе подготовки или проведения ОРМ;
 - предоставление полной и достоверной информации органам, осуществляющим ОРД;
 - правомерное выполнение общественного долга или возложенных на них полномочий.

Т. Даш

(Омская академия МВД России)

ОСНОВАНИЯ АРЕСТА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО УПК МОНГОЛИИ

1. Новый УПК Монголии (далее — УПК) был утвержден Великим Государственным Хуралом Монголии в мае 2017 г. и вступил в действие с первого июля 2017 г.¹ Нормы об аресте подозреваемого были помещены в часть шестую УПК «Дознание и предварительное следствие» главы 31 УПК «Предварительное следствие».

2. В новом УПК предусматривается два вида оснований ареста: с разрешения суда (ст. 31.4 УПК) и без разрешения суда (ст. 31.5 УПК). В каждой статье имеется перечень сведений, которые необходимо установить для обоснования принятия соответствующего решения.

3. Согласно ст. 31.4 УПК детектив вправе арестовать лицо с разрешения суда при наличии одного из следующих оснований: 1) в случае неявки по письменному уведомлению прокурора без уважительных причин подозреваемого для ознакомления с постановлением о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемого либо уклонения от получения письменного уведомления прокурора; 2) если подозреваемый пытался скрыться от органов расследования либо есть основания полагать, что он может не явиться по вызову прокурора; 3) если в отношении детектива, прокурора, судьи, потерпевшего, свидетеля и соучастника в совершении преступления имеется угроза их жизни и здоровью, оказывается давление на этих лиц; 4) при наличии достаточных оснований, указывающих на совершение преступления, возможность продолжить преступную деятельность либо закончить начатое преступление; 5) в случае

¹ Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль // Төрийн мэдээлэл. 2017. № 23. [УПК Монголии // Государственная информация. 2017. № 23].

выявления достаточных оснований, указывающих на уничтожение, изменение и подделку доказательств; б) в случае незаконного воздействия на потерпевшего, свидетеля и соучастника в совершении преступления.

Первое основание следует понимать так: лицо скрывается, не является по вызову, уклоняется от получения письменного уведомления прокурора.

На возможность скрыться могут указывать отсутствие гражданства, постоянного места жительства, внезапное увольнение с работы, снятие с регистрационного учета и т. д.²

Как угрозу покушения на жизнь и здоровье следует воспринимать активные действия подозреваемого, запрещенные УК Монголии.

Под достаточностью доказательств можно понимать сведения, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела, устанавливаются показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, заключениями и показаниями эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следствия и судебных заседаний (чч. 1 и 2 ст. 16.1 УПК).

Устранение, изменение и подделка доказательств — это любые активные действия подозреваемого по уничтожению или сокрытию доказательств, или иным путем воспрепятствование производству по уголовному делу.

4. Согласно ст. 31.5 УПК детектив вправе арестовать лицо без разрешения суда, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) в случаях, не терпящих отлагательств, предусмотренных настоящим Кодексом (п. 1.26 ч. 1 ст. 1.4 УПК); 3) когда потерпевшие или свидетели укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 4) если на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище, или в транспортном средстве будут обнаружены явные следы преступления.

Первое основание следует понимать таким образом: лицо застигнуто непосредственно на месте совершения преступления в момент выполнения преступных действий или сразу после их окончания либо при попытке бегства с места происшествия.

В соответствии с п. 1.26 ч. 1 ст. 1.4 УПК под не терпящими отлагательств понимаются случаи, когда имеется реальная опасность для жизни и здоровья человека; возможно уничтожение и повреждение имущества,

² См. подробнее: *Даши Т.* Арест подозреваемого по УПК Монголии // Подходы к решению проблем законоотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск, 2016. Вып. 23. С. 64–65.

перемещение, сокрытие подозреваемым и обвиняемым следов преступления; когда последние пытаются скрыться от органов расследования и суда.

Под прямыми указаниями свидетелей понимаются показания одного или нескольких свидетелей, которые уверенно указывают на лицо, совершившее преступление (п. 1.3 ч. 1 ст. 31.5 УПК).

Явными следами преступления служат следы, непосредственно образовавшиеся в результате совершения преступления (пятна крови, порезы, царапины, другие последствия воздействия на человека)³.

5. Рассмотренные выше виды и содержание оснований ареста подозреваемого позволяют сформулировать следующее определение. *Основаниями ареста подозреваемого являются имеющиеся в уголовном деле доказательства, которые свидетельствуют о том, что подозреваемый и обвиняемый могут скрыться от предварительного следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.*

А. Р. Жайтуменова

(Омская академия МВД России)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 158¹ УК РФ

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ в УК РФ была введена статья 158¹, предусматривающая ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. Такое нововведение перенаправляет к преюдициальному акту, который

³ См. подробно: *Уголовный процесс*. В 2 ч. : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Ч. 1. С. 142–143.

¹ *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности* : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II), ст. 4256.

выступает в качестве обязательного условия наступления уголовной ответственности.

На данном этапе в научной среде нет однозначной точки зрения по поводу обоснованности использования административной преюдиции при привлечении к уголовной ответственности. Имеется как позитивное восприятие нововведения², так и абсолютное его отрицание³. Но эта разноплановость не может отменить уже свершившийся факт — включение законодателем в УК РФ статей, носящих преюдициальный характер.

Реализация преюдициальных актов в уголовном процессе имеет определенные сложности. Обращение к особенностям привлечения к уголовной ответственности позволит выделить наиболее важные направления деятельности дознавателя в сложившихся условиях.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» даются разъяснения об особенностях применения статьи 158¹ УК РФ: судьям необходимо устанавливать, вступило ли в законную силу постановление о назначении административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ на момент повторного совершения мелкого хищения; исполнено ли это постановление, не прекращалось ли его исполнение; не истек ли годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления; не пересматривались ли постановление о назначении лицу административного наказания и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном главой 30 КоАП РФ⁴. Дознаватель уже на этапе возбуждения уголовного дела должен проверить указанные сведения. В связи с чем полагаем, что данные положения можно отнести к криминалистически значимым элементам механизма мелкого хищения,

² Бавсун И. Г., Бавсун М. В., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–10 ; Устинова Т. Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 102 ; Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 2005. С. 299 ; Ямашева Г. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69.

³ Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 65 ; Рагулин А. В. Проекты реформирования Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях: анализ содержания и предложения по совершенствованию // Евразийский юридический журнал. 2009. № 8.

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216882/ (дата обращения: 03.02.2018).

которые устанавливаются применительно к производству об административных правонарушениях.

В акте высшего судебного органа указаны не все составляющие рассматриваемых элементов. Большинство ученых, исследующих механизм совершения преступления, воспринимают данное правовое явление обобщенно, не ссылаясь на определенную категорию преступления. В связи с этим особый интерес представляет точка зрения И. В. Веренич, А. М. Кустова и В. М. Прошина⁵. Исследователи разработали систему элементов, характерную для любого преступного посягательства в целом.

Основываясь на мнении ученых, мы предприняли попытку выделить систему криминалистически значимых элементов механизма совершения мелкого хищения применительно к производству об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ:

1) деятельность лица, ранее совершившего мелкое хищение и привлеченного к административной ответственности за данное правонарушение, по подготовке и совершению правонарушения, переходящего в преступление, а также действия по сокрытию следов;

2) действия потерпевшего, способствующие совершению мелкого хищения;

3) действия иных лиц, содействовавших совершению преступления⁶;

4) место и время преступного события, предмет преступного посягательства.

Полагаем, что выделение указанных элементов требуется в целях решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела о повторном мелком хищении, а также для определения основных направлений проведения по такому делу следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем отнесение к механизму преступления действий потерпевшего и иных лиц является спорным и требует самостоятельного исследования.

⁵ Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая теория механизма преступления : монография. М., 2016. С. 133.

⁶ Изучение материалов уголовных дел по рассматриваемому составу преступления показал, что, как правило, категория лиц, содействующих совершению преступления, отсутствует.

Е. А. Кирпиченкова-Черная

(Омская академия МВД России)

О РЕАЛЬНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Интернет-коммуникации, выполняя важную роль в современном мире, охватывают практически все аспекты жизнедеятельности людей: политический, экономический, социальный, личный. По мере расширения зоны использования информационной сети возрастает число интернет-преступлений. Мошенников привлекает пространство всемирной паутины из-за возможности быстрого и анонимного охвата многотысячного числа пользователей. При этом методы и схемы совершения преступлений разнообразны.

Электронные доски объявлений, чат-группы и электронная почта являются благодатной почвой для размещения информации, привлекающей и вводящей в заблуждение интернет-пользователей. Объявления о новых продуктах, услугах и инвестиционных возможностях, обещающие быстрое достижение желаемых целей, таких как потеря веса, излечение от болезней или легкий успех в бизнесе, нередко выглядят очень привлекательно. На это и рассчитывают мошенники.

Возможности информационных технологий широко используются в корыстных целях. При этом преступники в совершенстве владеют множеством приемов: виртуальные атаки, направленные на сбои сетевого трафика; «бомбардировки» электронных ящиков; создание и распространение вирусов; взлом учетных личных данных; блокировка веб-сайтов и онлайн-услуг; киберсквоттинг.

Накопление методов и схем мошеннических деяний, совершаемых в виртуальном пространстве, обеспечивает сотрудникам Управления «К» (подразделение по борьбе с компьютерными преступлениями) теоретическую базу для раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерных технологий. Отметим, что данное спецподразделение добились в борьбе с интернет-мошенничеством определенных успехов.

Так, в августе 2017 г. в суд направлено уголовное дело о мошенничестве в сфере компьютерной информации. Организованная группа, состоящая из трех человек, совершила мошеннические действия с банковскими картами граждан. В ходе расследования установлено, что злоумышленники рассылали смс-сообщения от имени кредитно-финансовой организации о списании денежных средств. Поскольку данные отпративе-

ля сообщений внешне не отличались от оригинального контакта, граждане перезванивали указанному абоненту и называли номер своей банковской карты и другие данные. В результате все имеющиеся на счете жертв денежные средства переводились мошенникам. Специальные технические мероприятия, проводимые сотрудниками отдела «К», позволили выявить и задержать преступников, у которых при обыске были обнаружены и изъяты компьютерная техника, сотовые телефоны, более 50 сим-карт, банковские карты, денежные средства. В процессе расследования были установлены 62 потерпевших, проживающих на территории Санкт-Петербурга, Курской, Липецкой и Смоленской областей, которым был причинен ущерб на сумму свыше шестисот тысяч рублей¹.

Другой пример. В Ярославской области сотрудники отдела «К» УМВД России выявили подозреваемого в совершении серии мошенничеств с использованием сети Интернет. Расследованием установлено, что житель Ярославля, мужчина 1989 г. р., в течение 2016 г. в целях совершения мошеннических действий размещал информацию на сайте бесплатных объявлений о продаже дорогостоящих мобильных телефонов и фотоаппаратов. При этом указывал, что находится в городах Ярославской области: Данилове, Угличе, Пошехонье. Для приобретения товаров покупателям предлагалось перевести оплату на банковскую карту. Сим-карты и банковские карты были оформлены на подставных лиц. После получения оплаты мошенник переставал выходить на связь с покупателями, товар не отправлял, денежные средства не возвращал².

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сотрудники МВД, используя информацию о способах совершения интернет-преступлений, могут не только раскрывать рассматриваемые виды мошенничеств, но и предупреждать подобные преступления даже в случае отсутствия заявления о них.

Однако нельзя не отметить наличие проблемы, которая выражается в том, что граждане — пользователи интерактивных сетей, ставшие жертвами мошеннических действий, не доверяют возможностям правоохранительных органов. Вследствие этого, столкнувшись с виртуальным преступлением, потерпевшие чаще всего в органы полиции с заявлением о совершенном в отношении них преступлении не обращаются, не надеясь на положительный результат. Вследствие этого преступник, оставаясь безнаказанным, продолжает свою незаконную деятельность.

¹ URL: https://мвд.пф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii/Publikacii_i_vistuplenija/item/10979474/ (дата обращения: 02.02.2018).

² URL: https://мвд.пф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii/Publikacii_i_vistuplenija/item/8144230/ (дата обращения: 23.01.2018).

Решение данной проблемы мы видим в распространении информации об успешном опыте сотрудников МВД, специализирующихся на раскрытии и расследовании интернет-преступлений, выработке и доведении до каждого пользователя сети четкого алгоритма действий в случаях, если они стали жертвой преступлений, совершаемых в сфере компьютерных технологий, что, в итоге, позволит своевременно выявить и привлечь к ответственности сетевых мошенников.

В. А. Лаврентьев

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММУНИТЕТА ПРОКУРОРОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

В соответствии со ст. 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее — Закон о прокуратуре) проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Исходя из этого некоторыми исследователями делается вывод о наличии исключительного порядка проверки противоправной деятельности прокуроров оперативно-розыскным путем².

Подвергая анализу положение Закона о прокуратуре, прежде всего необходимо остановиться на словосочетании «факт правонарушения». Толковый словарь русского языка разъясняет «факт» как «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло»³. Из этого следует, что факт правонарушения является уже состоявшимся, произошедшим актом. Под правонарушением понимается отклонение от общепринятых социальных норм. В теории права правонарушение — это противоправное общественно вредное (общественно

¹ *О прокуратуре Российской Федерации* : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Тепуков А. В.* Доказывание по уголовным делам в отношении отдельной категории лиц (прокурора, руководителя следственного органа, следователя) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 32 с. ; *Федоров А. В.* Уголовно-процессуальный институт неприкосновенности прокурорских работников и реализация гарантий прокурорской неприкосновенности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 16 с.

³ *Жеглова С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 352.

опасное) виновное деяние деликтоспособного лица, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность⁴. По степени общественной опасности правонарушения подразделяются на преступления и проступки. Принимая во внимание, что ОРМ осуществляются при наличии сведений о преступлении, т. е. виновно совершенном общественно опасном деянии, за которое установлено уголовное наказание, а не проступке (административном правонарушении, гражданско-правовом нарушении, дисциплинарном проступке), можно заключить, что исключительная компетенция органов прокуратуры распространяется на проверку уже совершенного прокурором правонарушения, в то время как проверка оперативных данных о факте подготавливаемого или совершаемого (длящегося) преступления указывает на возможность принятия оперативными подразделениями решения о проведении ОРМ самостоятельно.

В случае получения оперативными подразделениями сведений о причастности прокурора к уже совершенному преступлению (известному ОВД или ранее зарегистрированному), на наш взгляд, также необходима предварительная проверка полученной информации. При этом проверка будет направлена на подтверждение достоверности полученных первичных сведений о самом факте подготовки к преступлению, а также причастности к нему именно прокурора (необходимо исключить факты предоставления заведомо ложной информации, оговора, клеветы). Полагаем, лишь после подтверждения указанных фактов целесообразно сообщать о них компетентному прокурору. Согласно Закону о прокуратуре дальнейшая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры.

В соответствии с приказом от 18 апреля 2008 г. № 70 по сообщению о преступлении, совершенном (подготавливаемом) прокурорским работником, первый заместитель и заместители Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур, могут поручать (разрешать) уполномоченным органам проведение оперативно-розыскных мероприятий. При этом имеется оговорка, что указанные поручения (разрешения) могут даваться только в тех случаях, когда имеются веские основания для подозрения прокурорского работника в совершении (приготовлении) преступления и отсутствуют иные возможности для проверки обосно-

⁴ *Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2009. С. 389.*

ванности сообщения⁵. Требование о наличии веских оснований подтверждает озвученную нами позицию о необходимости оперативной проверки первичных данных.

Наряду с этим сравнительный анализ законодательства об ОРД показывает, что поручение прокурора не входит в число оснований для проведения ОРМ. Что касается получения разрешения прокурора, то и оно при принятии решений о проведении ОРМ Законом об ОРД не предусмотрено. Кроме того, Закон о прокуратуре не содержит положений о возможности дачи поручения или разрешения на проведение ОРМ. Согласно ст. 1 прокуратура РФ является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Помимо этого, Законом о прокуратуре предусматривается проверка сообщения о преступлении, совершенном прокурором, Следственным комитетом Российской Федерации в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Думается, в данном случае речь идет о процессуальной проверке, осуществляемой в порядке ст. 144 УПК РФ. При проверке сообщения о преступлении следователь, руководитель следственного органа вправе давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении ОРМ. При этом организацию, тактику, силы и средства, которые будут при этом использоваться, оперативные органы определяют самостоятельно в пределах своей компетенции, установленной Законом об ОРД.

Опираясь на изложенное, согласимся с мнением А. В. Федорова, который считает, что «проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении прокурорских работников недостаточно нормативно урегулированы и не имеют необходимой доктринальной разработанности. Это одна из основных причин почти полного отсутствия оперативно-розыскной деятельности в отношении указанной категории должностных лиц⁶».

Подводя итог, отметим, что обозначенный в Законе о прокуратуре иммунитет прокуроров носит декларативный характер, так как не содер-

⁵ *О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации* : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18 апреля 2008 г. № 70. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Федоров А. В. Указ. соч.

жит механизма его реализации на практике. Таким образом, необходима четкая законодательная конструкция нормы, которая недвусмысленно регулировала бы механизм реализации иммунитета прокуроров.

П. А. Маленков

(Омская академия МВД России)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРЕРЫВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ СВЯЗИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Законность реализации полномочий органов внутренних дел и их оперативных подразделений на прерывание предоставления услуг связи, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)¹, в значительной степени зависит от единообразного, соответствующего замыслу законодателя толкования регламентирующих их юридических норм и понимания сути обозначенного права. Несомненно, важнейшей задачей при этом является определение имеющихся понятий и проникновение в сущность исследуемого предмета.

Учитывая, что содержание прав субъектов может быть раскрыто через их действия², считаем важным обозначить, что деятельность органов внутренних дел и их оперативных подразделений, возникающие при реализации права на прерывание предоставления услуг связи, стоит относить к категории оперативно-розыскных мер.

Указанные полномочия по прерыванию являются самостоятельными по отношению к оперативно-розыскным мероприятиям, в связи с чем они могут реализовываться обособленно, вне зависимости от проведения таковых.

Целью прерывания предоставления услуг связи выступает создание условий, при которых передача недопустимой информации и/или ее получение определенными абонентами или на определенной территории в рамках оказываемых услуг связи становятся невозможными.

¹ *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Вагин О. А., Исиченко А. П.* Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» со словарем законодательных терминов. М., 2006. С. 270.

В структуре задач прерывания предоставления услуг связи можно выделить таковые для реализации целей разного уровня. При этом максимальный уровень решаемых задач определен законодателем. Исходя из анализа п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД самыми высокоуровневыми для прерывания задачами следует признать перечисленные в ст. 2 обозначенного нормативного правового акта.

К числу субъектов указанной меры оперативно-розыскного характера необходимо отнести руководителей оперативных подразделений ОВД и их сотрудников, допущенных к осуществлению оперативно-розыскной деятельности³, а также руководителей центрального аппарата и территориальных органов МВД России (начальник и его заместители), допущенных к осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Именно они наделены необходимыми полномочиями и выступают при этом главными элементами процесса активности. Участниками прерывания предоставления услуг связи могут выступать операторы связи, должностные лица неоперативных подразделений, внештатные сотрудники полиции, лица, обладающие научными, техническими и иными специальными знаниями или практическими навыками, граждане. При этом необходимо отметить, что привлечение к участию специалистов, граждан и должностных лиц в настоящее время регламентировано только на ведомственном уровне. В целях закрепления данного права на законодательном уровне необходимо внести изменения в Закон об ОРД.

Общим объектом рассматриваемой меры оперативно-розыскного характера являются услуги связи. В качестве непосредственных объектов стоит рассматривать те, на которые направлено целевое воздействие в ходе решения задач, продиктованных конкретными оперативно-тактическими ситуациями. Это элементы окружающей реальности: предметы (например, элементы проводных линий связи); физические процессы (электромагнитное, оптическое излучение, др.) и иное.

Проанализированные в ходе исследования определения прерывания предоставления услуг связи не лишены недостатков, так как не в полной мере отражают сущность указанной меры оперативно-розыскного характера. С учетом изложенного автором сформулировано собственное понятие прерывания предоставления услуг связи.

Прерывание предоставления услуг связи — это деятельность органов, осуществляющих ОРД, направленная на создание условий, при которых

³ О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД РФ от 19 июля 2012 г. № 608. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

передача недопустимой информации и/или ее получение определенными абонентами или на определенной территории в рамках оказываемых услуг связи становятся невозможными, и заключающаяся в воздействии на процессы приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений.

Н. Б. Овчаренко

(Омская академия МВД России)

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ

При расследовании хищений, совершенных путем присвоения и растраты, немаловажное значение имеет применение специальных знаний сведущих лиц, формой которого является участие специалиста при производстве следственных действий. Согласно ст. 58 УПК РФ специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Привлечение специалистов к расследованию преступных посягательств на собственность обусловлено требованием закона и особенностями обстановки преступления, когда необходимо своевременно выявить, правильно изъять, закрепить и исследовать доказательства совершенного хищения. Результат участия специалиста, по мнению Е. Э. Курзинера, зависит не только от уровня его знаний, но во многом определяется его личным опытом, умением правильно организовать взаимодействие с другими участниками судопроизводства¹.

При расследовании уголовных дел данной категории наиболее распространенными случаями, когда следователю (дознавателю) необходима помощь специалиста, являются проведение обыска и выемки. Подготовка к данным следственным действиям предусматривает определение

¹ Курзинер Е. Э. Участие специалиста в следственных действиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 2. С. 47.

круга предметов и документов, которые подлежат отысканию и изъятию. Необходимо получить консультацию у специалиста в области бухгалтерского учета (с возможным последующим привлечением его к участию в обыске или выемке) о видах и содержании документации, которая может подтверждать или опровергать факт присвоения чужого имущества. К таким документам, представляющим интерес для уголовного дела, могут относиться: протоколы общего собрания, заседаний правления, наблюдательного совета и иных руководящих органов; учредительные и организационно-распорядительные документы (устав, учредительный договор, приказы и распоряжения), в том числе учредительные документы дочерних предприятий; договоры и контракты с другими учреждениями и книга их регистрации; акты документальных проверок налоговой инспекции, ревизионных комиссий, аудиторских фирм, других контролирующих инстанций; переписка, доверенности, черновые записи. Кроме того, в зависимости от обстоятельств дела могут изыматься следующие бухгалтерские документы: квартальные и годовые балансы; главная книга; журналы-ордера; документы учета операций по расчетному и другим счетам в банке; кассовая книга с отчетами кассира; документы по учету основных средств, малоценных и быстроизнашивающихся предметов; документация по учету материалов, затрат на производство готовой продукции и ее реализации.

Таким образом, целью проведения обыска является обнаружение и изъятие документов, а также черновых записей, которые свидетельствуют о наличии следов присвоения предметов преступного посягательства. При этом, помимо сейфов и рабочих мест подозреваемых, проверке подлежат также их личные вещи, подсобные помещения, транспортные средства.

Кроме того, следует учитывать повсеместную компьютеризацию и информатизацию экономических и производственных процессов, поэтому в состав следственно-оперативной группы, проводящей обыск или выемку, помимо специалистов, сведущих в экономике и бухгалтерском учете, следует включить специалистов в области компьютерной техники. Согласно изменениям в ст. ст. 182, 183 УПК РФ изъятие электронных носителей в ходе обыска и выемки производится с участием специалиста². Специалист должен четко указать, на каких устройствах могла храниться в электронном виде интересующая следствие информация и какие изменения в нее при помощи этих устройств можно было бы внести. При этом особое внимание нужно обратить на отыскание и изъятие электрон-

² Гареева Э. Р., Тувбалаева Р. И. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации // *Аллея науки*. 2017. Т. 4. № 9. С. 744–747.

ных носителей информации, к которым, по мнению А. Л. Осипенко и А. И. Гайдина, следует отнести:

- внешние накопители на жестких магнитных дисках, в том числе подключаемые через интерфейс USB;
- оптические носители информации (CD, DVD, Blu-ray диски);
- карты флэш-памяти в различном конструктивном исполнении³.

При наличии сведений о том, что обыскиваемый занимался подделкой документов, использовавшихся для осуществления присвоения, особое внимание при производстве обыска следует уделять поиску типографского оборудования, красок, граверного инструмента, принтеров, сканеров, клише печатей и штампов, их пробных оттисков, черновиков с пробными образцами чужих почерков и подписей.

Г. А. Парадникова

(Омская академия МВД России)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ДОПУСКЕ ИЛИ ОТСТРАНЕНИИ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОТ УЧАСТИЯ В ДЕЛЕ

Провозглашенный международными стандартами и российским законодательством принцип повышенной правовой защиты несовершеннолетних включает положения об участии в производстве по уголовным делам дополнительных лиц, которые защищают их права, представляют законные интересы (защитник, законные представители), а также способствуют снижению негативных последствий вовлечения несовершеннолетних в сферу уголовного судопроизводства (психолог, педагог). Достаточно большое значение при реализации соответствующих функций уделяется законным представителям. Принятие уголовно-процессуальных решений о допуске или отстранении законных представителей в производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних имеет свои особенности.

УПК РФ к законным представителям относит родителей, усыновителей, опекунов или попечителей, а также представителей учреждений или орга-

³ Осипенко А. Л., Гайдин А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 2.

низаций, на попечении которых находится несовершеннолетний (п. 12 ст. 5). Как отмечает А. С. Дежнев, «в участии законного представителя мы в большей степени видим социально-этическое назначение, обусловленное необходимостью обеспечения несовершеннолетнему нравственной поддержки, психологической помощи преимущественно со стороны семьи и близких»¹.

Можно выделить несколько категорий законных представителей: родители несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей; усыновители несовершеннолетних; опекуны и попечители. Анализ норм УПК РФ показал, что при принятии решения о допуске законного представителя несовершеннолетнего не учитывается желание самого законного представителя участвовать в производстве по уголовному делу, а также и мнение несовершеннолетнего.

Согласно нормам Семейного кодекса РФ законный представитель осуществляет защиту прав и интересов несовершеннолетних при производстве по уголовному делу. Лишь в случае, когда интересы родителей и детей имеют противоречия, законный представитель не может быть допущен к производству по уголовному делу (ст. 64). Позицию несовершеннолетнего следует учитывать в случае выбора родителя, который подлежит вовлечению в расследование уголовного дела.

Полагаем, что при решении вопроса о допуске законного представителя несовершеннолетнего следует исходить из возможности выбора органами предварительного расследования между двумя родителями, с тем чтобы в случае возникновения оснований отстранения данного законного представителя от участия в производстве по уголовному делу, заменить его другим. В постановлении о допуске законного представителя к участию в уголовном деле следователь (дознатель) должен указывать основания привлечения данного лица. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. не содержится ограничений относительно количества участников, привлекаемых в качестве законных представителей². Однако в правоприменительной деятельности предпочтение отдается подходу, предусматривающему участие в деле одного из них.

Законный представитель привлекается для выполнения двойной задачи: обеспечения защиты несовершеннолетнего и оказания ему нрав-

¹ Дежнев А. С. Определение ущерба интересам несовершеннолетнего при отстранении законного представителя от участия в производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 2. С. 90–91.

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011. № 1 // Рос. газета. 2011. 1 фев.

ственной поддержки. Однако нередки случаи, когда законный представитель действует во вред своему ребенку или представляемому лицу. Пункт 11 названного постановления содержит разъяснения, что именно необходимо понимать под действиями, наносящими ущерб несовершеннолетнему. Это невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. В науке уголовного процесса к действиям в ущерб несовершеннолетнему относят также оказание на него психологического давления.

Эти обстоятельства являются основаниями для принятия решения об отстранении законного представителя от участия в уголовном деле. Тем не менее существуют и иные обстоятельства, которые делают невозможным участие лица в качестве законного представителя (болезнь, командировка, смерть и другие). В этих случаях неправомерно вести речь об отстранении лица от участия в деле. По нашему мнению, следует говорить о замене законного представителя. В УПК РФ, полагаем, следует ввести норму, которая содержала бы примерный перечень случаев отстранения и замены законного представителя несовершеннолетнего.

Таким образом, нормы о допуске и отстранении законного представителя в уголовном деле должны быть сконструированы с учетом указанных обстоятельств. За основу можно принять подход, изложенный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1.

Е. Н. Полежаева

(Омская академия МВД России)

СРОКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ОПТИМИЗАЦИЯ

Конституция Российской Федерации предусматривает право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Обеспечение и защита этих прав важны для любой личности. В то же время право на свободу и личную неприкосновенность может быть ограничено в результате применения мер государственного принуждения. К ним, в частности, относятся меры пресечения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Наиболее строгой мерой пресечения является за-

ключение под стражу. В результате ее применения личность в значительной мере подвержена ограничению конституционных прав. Более того, заключение под стражу выступает одной из форм лишения свободы.

Исключительность заключения под стражу вызвана также тем, что при его применении лишается свободы лицо, не признанное виновным в совершении преступления, а находящееся в статусе подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый до вынесения судом обвинительного приговора и вступления его в законную силу считается невиновным и, следовательно, в полной мере обладает всеми конституционными правами, принадлежащими личности. Применение к такому лицу мер процессуального принуждения в ходе расследования уголовного дела и судебного разбирательства обусловлено отсутствием иного пути для обеспечения реализации норм законодательства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает запрет на содержание под стражей на стадии расследования уголовного дела свыше 18 месяцев. Однако законодатель не предусмотрел максимальные сроки содержания под стражей подсудимого с момента передачи уголовного дела в суд. Иногда лица, виновность которых еще не установлена судом, содержатся под стражей несколько лет. Так, срок содержания под стражей подсудимого О., обвиняемого в совершении растраты, превысил 7 лет. При этом Новочеркасский городской суд Ростовской области 28 раз отказывал в удовлетворении заявленных ходатайств об изменении меры пресечения.

В связи с изложенным выше Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации высказано предложение о необходимости внесения ряда изменений в законодательство. В частности, Т. Н. Москалькова считает, что целесообразно закрепить предельный срок содержания под стражей в порядке меры пресечения в период рассмотрения дела судом, по истечении которого суд обязан заменить меру пресечения на не связанную с лишением свободы.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена и рядом проблем, возникающих в сфере правового регулирования сроков содержания под стражей и их продления. Так, судебные органы должны обеспечить, чтобы в рамках каждого конкретного дела продолжительность содержания под стражей обвиняемого не превышала разумный срок. Следует отметить, что, являясь оценочным понятием, разумный срок определяется в том числе своевременностью, достаточностью и эффективностью процессуальных действий, направленных на выпол-

нение назначения уголовного судопроизводства. Однако, полагаем, данное положение не способствует единообразию в применении рассматриваемых уголовно-процессуальных норм, что приводит к нарушению прав граждан.

Большое значение с точки зрения соблюдения прав и свобод человека имеет вопрос, связанный с длительностью и обоснованностью содержания под стражей до вынесения приговора суда. В соответствии с требованиями ст. 99 УПК РФ одна лишь тяжесть совершенного преступления сама по себе не может служить достаточным основанием для избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, поэтому суд должен установить наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, невозможность избрания другой, более мягкой меры пресечения с учетом данных о личности обвиняемого или подозреваемого. Вместе с тем в судебной практике имеются случаи удовлетворения заявленных ходатайств об избрании в отношении подозреваемых и обвиняемых в качестве меры пресечения заключения под стражу только на основании тяжести вменяемого преступления.

УПК РФ прямо не регламентирует процедуру рассмотрения вопроса о продлении срока содержания подсудимого под стражей во время судебного разбирательства дела.

Еще одной проблемой выступает то, что УПК РФ не предполагает включение времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок содержания под стражей на стадии судебного разбирательства. При возвращении уголовного дела прокурору в соответствии с ч. 3 ст. 237 УПК РФ вопрос о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей суд решает лишь с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ, а не по правилам ст. 237 УПК РФ. Важно, что для судебной стадии максимальный срок содержания под стражей для отдельных категорий преступлений не установлен. При этом суд может назначить срок лишения свободы, который будет меньше фактического срока содержания под стражей обвиняемого, или более мягкое наказание, чем лишение свободы.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что УПК РФ не исчерпал всех возможностей, которые могли бы сделать данную меру пресечения эффективной и соответствующей международным правовым стандартам. На этом основании следует признать, что требуется выработать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего сроки заключения под стражу.

Г. Рэнцэндорж

(Омская академия МВД России)

РЕАБИЛИТИРУЮЩИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПО УПК МОНГОЛИИ И УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция Монголии закрепляет положения, согласно которым признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, возложившего на себя возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 2 Конституции Монголии). В силу этого одной из задач уголовного судопроизводства, определенных в ст. 1.1 Уголовно-процессуального кодекса Монголии (далее — УПК Монголии) является восстановление в правах каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию*.

Одним из существенных средств достижения справедливости в уголовном судопроизводстве является институт реабилитации. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) дано законодательное определение реабилитации и содержится посвященная этому глава 18 «Реабилитация». В уголовно-процессуальном законодательстве Монголии термин «реабилитация» не представлен. В качестве аналогичного по содержанию понятия в УПК Монголии закреплен термин «компенсация», однако его содержание не раскрывается, как это сделано законодателем в отношении термина «реабилитация» в УПК РФ. УПК Монголии, как и УПК РФ, содержит самостоятельную главу 45 «Компенсация ущерба, причиненного в ходе уголовного преследования незаконными действиями судьи, прокурора, детектива, уполномоченного лица».

В российском уголовном судопроизводстве право на реабилитацию имеют подозреваемый, обвиняемый, уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, прямо перечисленным в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ. Это такие основания, как отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Кроме

* Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (новая редакция). Улан-Батор, 2017. С. 2.

них, к влекущим реабилитацию основаниям отнесены также и некоторые другие, отражающие ситуации, когда уголовное преследование велось при отсутствии специально предусмотренных законом условий (пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 24, пп. 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

В УПК Монголии нет перечня реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела. В части 2 ст. 45.2 УПК Монголии предусмотрено, что право на компенсацию имеет обвиняемый, в отношении которого дело прекращено в связи с тем, что его участие в совершении преступления не было доказано. В части 5 ст. 32.5 УПК Монголии указывается на наличие у лица права на возмещение вреда при прекращении в отношении него дела в связи с отсутствием признаков преступления, а также когда постановление о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого отменяется прокурором за недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления. При этом недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления не включена в перечень оснований прекращения уголовного дела, предусмотренный ч. 1 ст. 32.5 и ст. 34.19 УПК Монголии. Вместе с тем положения закона о компенсации указывают на недоказанность как на основание прекращения уголовного дела.

Сопоставление приведенных норм свидетельствует, что по УПК Монголии реабилитирующими являются два основания прекращения уголовного дела: отсутствие признаков преступления (п. 1.1 ч. 1 ст. 32.5, п. 1.1 ч. 1 ст. 34.19 УПК Монголии); недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления, если все возможности для собирания дополнительных доказательств были исчерпаны (чч. 2 и 4 ст. 35.2 УПК Монголии).

Это свидетельствует о сходном подходе законодателя к определению круга реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела в УПК Монголии и УПК России. Однако УПК Монголии не предусматривает такое реабилитирующее основание, как «непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления», закрепленное п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Исходя из содержания п. 20 ст. 5 УПК РФ, данное основание охватывает ситуации, когда причастность лица к совершению преступления не установлена (не доказана) либо установлена его непричастность. Это основание частично совпадает с предусмотренной УПК Монголии «недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления», но при этом в УПК Монголии нет основания, которое должно применяться в случаях, когда доказана непричастность лица к совершению преступления.

Таким образом, для наиболее эффективной защиты прав и свобод человека при возмещении вреда, причиненного незаконными действия-

ми (бездействием) государственных органов, необходимо устранить противоречия в нормах УПК Монголии: включить положение о недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления в перечень оснований прекращения уголовного дела, а в основаниях возникновения права на реабилитацию указать прекращение в отношении лица уголовного дела в связи с отсутствием признаков преступления. Кроме того, необходимо расширить предусмотренный УПК Монголии перечень реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и дополнить его таким основанием, как непричастность лица к совершению преступления.

К. С. Сидорова

(Омская академия МВД России)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ) ИДЕНТИФИКАТОРОВ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В целях всестороннего изучения обстоятельств расследуемого преступления и получения иных доказательств возникает необходимость исследования следов пребывания пользователя (физического лица) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Пользователь может быть представлен как видимыми идентификаторами, так и невидимыми (скрытыми от человека, не обладающего специальными познаниями в области информационных технологий).

К невидимым идентификаторам личности в сети Интернет можно отнести: IP-адрес, который является уникальным сетевым адресом узла в компьютерной сети, построенным на основе стека протоколов TCP/IP, на котором функционирует сеть Интернет, и IP-адрес узла сети или технологии. Подключившемуся к сети Интернет техническому устройству присваивается IP-адрес, который назначается из числа свободных на этот промежуток времени (не занятых при других подключениях) из адресов, имеющих в распоряжении провайдера. Факт регистрации в Интернете технического устройства обусловлен наличием договора об оказании услуг связи, заключенного между физическим лицом и провайдером в лице представителя той или иной организации, предоставляющей услуги связи, в том числе к сети Интернет.

Следовательно, сведения об IP-адресе имеют значение для расследования уголовного дела, поскольку позволяют идентифицировать не только техническое устройство, с которого осуществлялся доступ в Интернет,

но и самого пользователя (физическое лицо). Такую информацию получают путем направления мотивированного запроса в адрес организации-провайдера, предоставляющей услуги доступа к сети. В ответе на такой запрос содержатся сведения о лице, заключившем договор (Ф.И.О., адрес, телефон, копия паспорта), место нахождения приемопередающего оборудования, посредством которого осуществлялся выход в Интернет через указанные IP-адреса. По нашему мнению, целесообразно документ с такими сведениями причислить к категории иных документов и использовать в расследовании.

Из числа видимых идентификаторов личности в сети Интернет в качестве наиболее полезных для расследования следует выделить доменные имена и никнеймы (сетевые имена).

Для удобства запоминания и восприятия была создана доменная система имен (Domain name system — DNS), позволяющая сопоставлять абстрактное символьное имя (site.ru) с конкретным IP-адресом в сети (198.198.68.200)¹. С. А. Бабкин определяет доменное имя как «буквенное обозначение, служащее той же функции, что и IP-адрес — идентифицировать определенное оконечное устройство в Сети»².

Согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под доменным именем понимается обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети³.

В ходе исследования доменного имени следователю (дознавателю) также предоставляется возможность получения значимых для расследования сведений: информации, указанной лицом (организацией) при регистрации домена (контактные телефоны, адреса электронной почты, паспортные данные или копия паспорта); копии договора с лицом (организацией), пользовавшимся вышеуказанным доменом; способа оплаты за использование домена с указанием средств платежа (расчетный счет; номер пластиковой карты; платежные системы; абонентские номера), копий платежных документов; информации о MAC-адресах устройств, работавших с указанным доменом; иной информации, посредством которой возможно установить лицо, использовавшее установленный домен.

¹ Ельчанинова Н. Б. Правовое регулирование споров о доменных именах в сети Интернет // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 10(65). С. 206–211.

² Бабкин С. А. Интеллектуальная собственность в Интернете. М., 2006.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не менее значимым для расследования преступлений может являться и такой идентификатор личности в сети Интернет, как никнейм — сетевое имя пользователя.

В связи с тем, что никнейм обычно состоит из одной языковой единицы или словосочетания, он является малоинформативным для следователя (дознателя), а часто и вообще не несет никакой смысловой нагрузки. Это связано с тем, что преступники в целях сокрытия следов преступной деятельности в сети Интернет и анонимизации собственной личности выдумывают никнеймы, которые никак не указывают на них.

Таким образом, следователю (дознателю) рекомендуется устанавливать сведения об интересующем никнейме следующими способами:

— используя поиск на ресурсах сети Интернет через браузер, вводя в поисковой строке конкретный никнейм, в результате появляются ссылки на сайты, где был отмечен искомый никнейм. Это могут быть сайты социальных сетей, форумов, блогов и другие. Исследование никнейма на сайтах позволяет получить сведения о пользователе, зарегистрированном под таким никнеймом, выявить связь с другими пользователями;

— используя специальные словари (толковые, терминологические, словари неологизмов). Устанавливая значение слов, составляющих никнейм, возможно определить какую-либо отличительную черту этого пользователя (настроение, особенность характера и т. д.);

— путем направления мотивированного запроса в адрес администрации сайта, на котором зарегистрирован пользователь, с требованием о предоставлении всей имеющейся о нем информации (сведения, указанные при регистрации, — Ф. И. О., место жительства, дата рождения), данных технического устройства, посредством которого осуществлялся доступ в Интернет, используемых при этом IP-адресов и иной информации, имеющейся в распоряжении администратора.

В связи с изложенным полагаем, что как видимые, так и невидимые идентификаторы личности в сети Интернет необходимо исследовать в целях получения значимой для расследования информации. Каждый из перечисленных идентификаторов указывает не только на техническое устройство, используя которое осуществляли доступ в сеть, но и на физическое лицо, которое его использовало. Полученные данные об идентификаторах могут быть как доказательством, так и ориентирующей информацией. Таким образом, использование этих данных в расследовании позволяет подтвердить или опровергнуть версию о причастности конкретного лица к преступлению, получить сведения о личности, использующей тот или иной идентификатор, а также исследовать в полной мере все обстоятельства уголовного дела.

А. Ю. Танков

(Омская академия МВД России)

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

Криминалистическая характеристика преступлений состоит из элементов, которые в своей совокупности составляют единую систему характерных криминалистических признаков преступления, выявление которых, определение взаимосвязи между ними необходимы для разработки и эффективного использования методики расследования краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище.

Одним из важных элементов криминалистической характеристики является механизм следообразования, под которым понимается процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения. Элементами этого процесса являются: объекты следообразования — следообразующий, следовоспринимающий и вещество следа; следовой контакт как результат взаимодействия между ними вследствие приложения энергии к объектам следообразования¹. В настоящее время под следом в криминалистическом следоведении понимается причинно связанное с событием преступления остаточное явление, которое представляет собой материально фиксированное отображение на одном объекте свойств строения другого объекта. В этом процессе главную роль играет взаимодействие двух (иногда и более) материальных объектов. Взаимодействие может быть различным: механическим, термическим, химическим и др.²

С учетом взаимосвязи основных объектов следообразования (преступника, материальной обстановки, потерпевшего (предмета преступления), орудий и средств преступления и защиты) следы преступления можно разделить: во-первых, следы от преступника, потерпевшего, отдельных предметов материальной обстановки (места происшествия), орудий и средств, использованных при совершении преступления и защиты от него; во-вторых, следы на преступнике, жертве, материальной обстановке, на орудиях и средствах преступления и защиты³.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории : в 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 42.

² Ляер Л. Л. К вопросу о криминалистическом учении о механизмах следообразования // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 4. С. 93–94.

³ Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 2005. С. 234.

При проведении осмотров мест преступлений по делам о кражах из жилища изымаются разнообразные следы как в самом жилище, так и непосредственно возле него, а также на возможных путях подхода и отхода преступника. Анализ судебно-следственной практики по рассматриваемой категории дел свидетельствует, что местами обнаружения наибольшего количества следов являются: входная дверь, окно, балкон (лоджия), фасады зданий, подъезд, лестничная клетка, участок местности под окном, балконом (лоджией), прилегающая территория, места непосредственного хищения предметов. Следы изымаются в 73% случаев для проведения судебных экспертиз: следы рук — 36%; следы орудий и инструментов — 29%; следы обуви — 14%; следы транспортного средства — 11%, следы биологического происхождения — 6 %; иные следы — 4%. Следует отметить, что 95% осмотров мест происшествий проводится с участием сотрудников экспертно-криминалистических подразделений

Определив механизм образования следов, легче установить причинные связи следообразования и в целом расследуемого преступления, определить роль данного следа в конкретном преступном событии. Необходимо также выяснить место каждого следа на месте происшествия, «привязать» его к предметам обстановки, что поможет в установлении обстоятельств происшедшего, а также в описании следов в протоколе процессуального действия⁴. Такими следами в самом жилище могут являться следы человека: рук, ног, обуви, зубов, ногтей, потожировые и другие следы биологического происхождения, волосы, следы одежды, запаховые следы, а также следы орудий и инструментов.

Знание механизма следообразования позволяет сделать вывод о событии, обстоятельствах кражи из жилища и лицах, ее совершивших. Такие сведения являются основой выдвижения типичных версий о произошедшем, а в последующем позволяют формировать и конкретизировать частные версии. Исходя из места, времени образования и обнаружения следов, их индивидуальных особенностей, планируются неотложные следственные действия и ОРМ. Взаимосвязь с другими элементами криминалистической характеристики краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, обуславливает то, что изучение следов и следообразующих объектов позволит следователю выдвинуть версии о месте, времени и способе проникновения; о вероятных орудиях преступления; виде одежды и материалов, из которых она изготовлена, о возможных местах приобретения предметов преступления; о поведении преступника на месте соверше-

⁴ Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я. Криминалистика : учебник для вузов. М., 2000. С. 117.

ния кражи, условиях, в которых он оказался, направленности выполнения им преступных действий, собрать данные о его навыках и умениях, физических характеристиках. Уточнить его биологические данные, например о группе крови и его генотипе. Все эти сведения в совокупности позволят ограничить круг подозреваемых в ходе расследования уголовного дела, собрать необходимую доказательственную базу для привлечения виновных к ответственности за совершенные преступления.

Т. Тумуртоогоо

(Омская академия МВД России)

ДЕТЕКТИВ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УПК МОНГОЛИИ

На протяжении длительного пути становления и развития уголовно-процессуального законодательства Монголии статус следователя менялся неоднократно. В УПК Монголии 2002 г. следователь и дознаватель считались ключевыми фигурами досудебного уголовного производства. Именно данные участники на предварительном этапе уголовного судопроизводства были наделены широким диапазоном властных полномочий, позволяющих решать задачи, поставленные государством в этой сфере правоохранительной деятельности.

В мае 2017 г. Великим Государственным Хуралом Монголии был утвержден новый Уголовно-процессуальный кодекс Монголии *, который вступил в действие с 1 июля 2017 г. Появилось новое правовое регулирование процессуального статуса лиц, осуществляющих процессуальные полномочия в досудебном производстве по уголовному делу. В части 2 «Участники уголовного судопроизводства» такие участники процесса, как следователь и дознаватель, были исключены, вместо них в уголовное судопроизводство введен новый участник — детектив (ст. 6.2. УПК Монголии).

Детектив как участник уголовного судопроизводства проводит дознание и расследование по уголовным делам. Круг его полномочий, определенных ст. 6.2 УПК Монголии, существенно сократился по сравнению с прежними полномочиями следователя или дознавателя. Так, в соответствии с п. 2.2 ч. 2 ст. 6.2 детектив представляет прокурору предложение

* Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль // Төрийн мэдээлэл. 2017. №23. // УПК Монголии // Государственная информация. 2017. № 23.

о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого. А полномочие принимать решение о возбуждении уголовного дела предоставлено только прокурору. По поручению прокурора детектив проводит расследование (п. 2.11 ч. 2 ст. 6.2).

Существенной особенностью правового положения детектива является то, что он не вправе самостоятельно принимать многие решения и совершать процессуальные действия, а должен предоставить об этом предложения прокурору, который и принимает соответствующие решения. Так, детектив вправе представлять прокурору предложения:

- о проведении с его санкции расследования в случаях, не терпящих отлагательства (п. 2.4 ч. 2 ст. 6.2);
- о принятии мер пресечения самим детективом либо об их отмене;
- о применении в установленных законом случаях мер пресечения судом и прокуратурой и об их отмене (п. 2.8 ч. 2 ст. 6.2);
- о получении разрешения суда на арест подозреваемого (п. 2.9 ч. 2 ст. 6.2).

В случае необходимости розыска лица, совершившего преступление, проведения расследования иным компетентным органом и на другой территории детектив направляет прокурору соответствующее предложение (п. 2.14 ч. 2 ст. 6.2). Необходимые действия при этом выполняются другим компетентным органом по поручению прокурора, которому и направляются собранные доказательства (ч. 3 ст. 6.2).

В соответствии со ст. 30.7 УПК Монголии в случаях, не терпящих отлагательства, детектив вправе самостоятельно проводить следующие следственные действия: осмотр; назначение экспертов для проведения экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования; получение показания от свидетеля; выемку вещей, транспортного средства, денег, которые могут иметь значение для уголовного дела; налагать арест на имущество.

Закон наделяет детектива полномочиями исполнять функции эксперта, если он обладает специальными знаниями. При этом детектив может сотрудничать с экспертом, назначенным для проведения экспертизы (чч. 5, 6 ст. 6.2).

Обращаясь к российскому опыту регламентации уголовно-процессуального статуса лиц, осуществляющих предварительное расследование, можно увидеть иной подход законодателя. По УПК Российской Федерации следователь и дознаватель наделены большей процессуальной самостоятельностью, хотя в отношении дознавателя прокурор наделен более властными полномочиями. Законодатель Монголии в УПК 2017 г. совершенно иначе подошел к определению статуса лиц, ведущих досудебное уголовно-процессуальное производство. Он унифицировал его, от-

казавшись от разделения таких лиц на следователей и дознавателей. При этом процессуальная самостоятельность детектива практически исключена, а почти все властные полномочия в сфере раскрытия и расследования преступлений переданы прокурору.

Рассмотренные выше признаки правового положения детектива позволяют сделать вывод, что, с одной стороны, данного участника процесса можно понимать как лицо, ведущее производство совместно с прокурором и под контролем прокурора, чем обеспечивается соблюдение прав и свобод человека в досудебном уголовном производстве. С другой стороны, сокращение властных полномочий детектива исключает его процессуальную самостоятельность и позволяет рассматривать его лишь как помощника прокурора, который и наделен всей полнотой процессуальных полномочий в досудебном производстве.

В. А. Фирсов

(Омская академия МВД России)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности неразрывно связаны с образцовым выполнением сотрудниками органов внутренних дел возложенных на них оперативно-служебных задач, соблюдением мер обеспечения собственной безопасности и реализации полномочий по защите своих прав и законных интересов. Поэтому одним из наиболее актуальных и приоритетных задач остается обеспечение безопасности сотрудников полиции при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Изучение статистических данных за период с 2012 г. по 2016 г. показало, что количество преступлений, совершенных в отношении сотрудников органов внутренних дел, возросло с 20,3 до 24,5 тыс. (+20,7%), а преступлений, совершенных при исполнении служебных обязанностей, — с 13,7 до 20,4 тысяч (+48,9%). При этом государственная защита сотрудника органов внутренних дел регламентируется чч. 1, 6, 7 ст. 30 Федерального закона «О полиции»¹, где

¹ *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотрено, что сотрудник полиции, выполняя обязанности, возложенные на полицию, и реализуя права, предоставленные полиции, выступает в качестве представителя государственной власти и находится под защитой государства; государственная защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника полиции и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; меры государственной защиты применяются также в отношении близких родственников сотрудника полиции, а в исключительных случаях — в отношении иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудника полиции либо принуждения к изменению ее характера, а также из мести за указанную деятельность.

По мнению А. И. Макарова, «организация государственной защиты — это комплекс охранных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел и их близких, в том числе — несовершеннолетних детей, неприкосновенности имущества и жилья, а также на выявление и нейтрализацию лиц, являющихся угрозоносителями»². В системе МВД России она возложена на Главное управление собственной безопасности, а также подчиненные территориальные подразделения собственной безопасности и имеет ряд проблем в ходе ее реализации.

Наиболее острой остается проблема восприятия сотрудниками органов внутренних дел подразделений собственной безопасности как карательного органа, направленного на выявление случаев совершения преступлений и нарушений служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел. Более половины сотрудников органов внутренних дел не доверяют представителям подразделений собственной безопасности и не рассчитывают на эффективность государственной защиты. В сложившихся условиях наиболее острым является процесс выявления угрозоносителей и проведения ОРМ. Так, ст. 14 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»³ предусмотрено, что для принятия решения о применении мер безопасности необходимо согласие защищаемого лица.

Кроме того, трудности вызывает неопределенный статус дела по линии государственной защиты, закрепленный ведомственным норматив-

² Макаров А. И. Защитить от удара в спину // Полиция России. 2017. №8. С. 34.

³ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в ред. от 1 июля 2017 г. № 148-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ным правовым актом закрытого содержания. Данный факт усложняет обсуждение вышеуказанной проблемы в статье открытого содержания. Можно указать, что данное дело не относится к виду оперативной разработки, но в имеющихся приложениях к делу содержится формулировка «разработка». Фактически в случае установления конкретного угрозоносителя при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется его оперативная разработка в рамках дела по линии государственной защиты.

Еще один проблемный вопрос проявляется при проведении некоторых видов оперативно-розыскных мероприятий, носящих специфический характер и применяемых с учетом осуществляемых мер безопасности. Например, при осуществлении меры безопасности «Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах, в части закрытия сведений в информационных учетах» проводится мероприятие, направленное на предотвращение осуществления оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в отношении защищаемого лица и фактически проводится мероприятие «наведение справок» в отношении должностного лица, осуществившего попытку запросить сведения о защищаемом лице.

В связи с этим считаем целесообразным в целях более эффективного обеспечения государственной защиты сотрудников органов внутренних дел разработать рекомендации по дополнению правового регулирования рассматриваемого вида деятельности нормами, определяющими пределы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении угрозоносителей, а также разрешающими проведение оперативной разработки в рамках дела по линии государственной защиты.

В. С. Черкасов

(Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск)

ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ПОВОДУ ПРАВОМЕРНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Информационные технологии используются во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Электронные носители информации содержат значительный массив данных, характеризующих частную жизнь своих владельцев. Проблема защищенности компьютерной ин-

формации неоднократно становилась предметом рассмотрения в Европейском суде по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Частью 1 ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» предусмотрено, что «каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции»¹. Прежде всего необходимо разъяснить вопрос о распространении категории «корреспонденция» на электронные сообщения.

Рассматривая жалобу о мониторинге телефонных переговоров и электронных сообщений сотрудников со стороны администрации английского колледжа, ЕСПЧ раскрыл объем понятия «частная жизнь» и «корреспонденция». Суд указал, «что в соответствии с прецедентной практикой Европейского суда телефонные звонки из офисных помещений prima facie (на первый взгляд) охватываются понятиями «частная жизнь» и «корреспонденция» для целей п. 1 ст. 8 Конвенции... Логично, что электронные письма, отправленные с работы, также должны защищаться в соответствии со ст. 8 Конвенции, как и информация, полученная в ходе контроля за историей личного использования Интернета... Соответственно, Европейский суд считает, что сбор и хранение личной информации, касающейся телефонных звонков, электронной почты и использования Интернета заявителем без ее ведома представляли собой вмешательство в ее право на уважение частной жизни и корреспонденции по смыслу ст. 8 Конвенции»².

Несмотря на то что приведенный выше пример не относится к случаю расследования уголовного дела и получения компьютерной информации с электронных носителей, позиция ЕСПЧ демонстрирует расширительное толкование категории «корреспонденция» и распространение ее объема на электронные сообщения.

ЕСПЧ неоднократно указывал на то, что в ходе производства обыска при расследовании уголовного дела электронные сообщения подпадают под право на уважение частной жизни и корреспонденции, при этом суд не усматривает нарушения ст. 8 Конвенции, когда исследование и изъятие компьютерной информации проводится в ходе правомерного обыска (при получении судебной санкции). При этом ЕСПЧ констатирует нарушение ст. 8 Конвенции даже в случаях правомерного обыска, когда он яв-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

² Дело «Копланд (Copland) против Соединенного Королевства : постановление Европейского суда по правам человека от 3 апреля 2007 г. (жалоба № 62617/00) // Прецеденты Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 7.

ляется «масштабным и неизбирательным», соответственно «несоразмерным преследуемой цели», в том числе в тех случаях, когда компьютерная информация изымается (копируется) с электронных носителей³.

Особо строгие требования ЕСПЧ выдвигает при производстве правомерного обыска в отношении адвоката, требуя сохранения адвокатской тайны при изъятии (или копировании) компьютерной информации с электронных носителей⁴.

Дополнительно следует подчеркнуть, что ЕСПЧ применяет положение ст. 8 Конвенции к отношениям, связанным с использованием различных форм компьютерных данных и информационных технологий: геолокация (GPS (Global Positioning System)), электронные базы данных, перехват и контроль компьютерной информации, идентификация в сети Интернет⁵.

Таким образом, ЕСПЧ распространяет объем права на «уважение корреспонденции», предусмотренное ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на компьютерную информацию, хранящуюся на электронном носителе.

В свою очередь право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений устанавливается ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. При этом ограничение этого права допустимо только на основании судебного решения, что согласуется с рассмотренной выше позицией ЕСПЧ.

Однако правоприменительная практика демонстрирует возможность получения частной компьютерной информации с электронных но-

³ По делу «Компании «Винчи Констраксьон» и 2Жэ-Тэ-Эм Жени Сивиль э Сервис» (Vinci Construction and GTM Genie Civil et Services v. France) против Франции // (жалобы № 63629/10 и 60567/10) : постановление Европейского суда по правам человека от 2 апреля 2015 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 8 ; Дело Визер и компания «Бикос бетейлигунген ГмбХ» (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH) против Австрии : постановление Европейского суда по правам человека от 16 октября 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2008.

⁴ Дело «Юдицкая и другие (Yuditskaya and Others) против Российской Федерации» : постановление Европейского суда по правам человека от 12 февраля 2015 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 1 ; Дело «Колесниченко (Kolesnichenko) против Российской Федерации» : постановление Европейского суда по правам человека от 9 апреля 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1.

⁵ Ефремов А. А. Новые информационные технологии в практике Европейского суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 6. С. 185.

сителей без судебного разрешения⁶, что нарушает не только ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, но и положение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

К. В. Шаров

(Омская академия МВД России)

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, СО СТОРОНЫ СУБЪЕКТОВ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ

Незаконный оборот оружия — это негативный социально-правовой феномен, образующий преступные посягательства. Государства всего мира принимают меры к снижению количества преступлений в данной сфере и их превенции, однако эффективность действий, в том числе согласованных, на сегодняшний день невелика, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, не сокращается.

Для наилучшего восприятия существа проблемы необходимо дать определение предмета преступления. Оружие — это предметы и устройства, которые конструктивно предназначены для поражения живых и не живых целей, а также для подачи сигналов. Оружие делится на холодное, метательное, пневматическое, газовое, сигнальное, огнестрельное и др.¹

Оборот оружия в нашем государстве строго контролируется, а нарушение правил законного оборота карается как в административном, так и в уголовно-правовом порядке. Безусловно, лица, совершающие подобные преступления, противодействуют их раскрытию различными способами. Основная цель — уклониться от привлечения к уголовной ответственности.

В юридической литературе до недавнего времени под противодействием понималось преимущественно сокрытие преступлений, а также оказание воздействия на участников уголовного процесса, однако теперь

⁶ Черкасов В. С. Проблемы регулирования правового режима компьютерной информации в уголовном досудебном производстве // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № 2. С. 71 ; Хайдаров А. А. Незаконная практика фиксации личной переписки граждан на мобильных устройствах // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 43.

¹ Об оружии : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подходы к изучению данной проблемы изменяются. Это происходит в результате того, что противодействие в современных условиях носит системный и организованный характер².

Исследуя разработанность темы преодоления противодействия расследованию уголовно наказуемых деяний, А. В. Шмонин отмечает, что криминалистическое учение в данной части уже разработано, существуют определенные методики, но преимущественно это касается иных отраслей, в первую очередь – экономической безопасности³. За последние годы появились исследования противодействия организованной преступности⁴. Некоторые авторы сосредоточили свое внимание на более узких темах⁵.

Проблемы противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, изучены недостаточно. Следует обратить внимание на различные способы, которыми преступники оказывают противодействие расследованию.

Классифицировать способы противодействия можно по различным основаниям.

Общеизвестно, что противодействие раскрытию преступлений можно разделить на внутреннее и внешнее. Внутреннее оказывается лицами, которые причастны к совершению либо раскрытию преступления, например, преступник уничтожает доказательства, воздействует на свидетелей. Внешнее противодействие — это деяния лиц, которые, как правило, не связаны с преступлением, но имеют определенные рычаги воздействия на организацию его расследования. Такое деление достаточно условно.

В отношении рассматриваемой сферы преступной деятельности будет актуальным исследование проблем внутреннего противодействия. Мы остановимся на одном основании, с учетом перечня субъектов, уча-

² Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному следствию : монография. Свердловск, 1992. С. 175.

³ Шмонин А. В. Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений: современное состояние и пути развития // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3(19). С. 10–14.

⁴ Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления. М., 2012. 352 с.; Бычков В. В. Противодействие организованной преступности. М., 2014. 552 с.

⁵ Косынкин А. А. Преодоление противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2013. 216 с.; Ищенко П. П. Преступные сообщества (преступные организации) в сфере незаконного оборота наркотиков. М., 2017. С. 262–307; и др.

ствующих в расследовании.

Исходя из состава лиц, которые осуществляют противодействие, можно предложить следующие виды противодействия:

- со стороны свидетелей;
- осуществляемое одним преступником в ходе расследования единичного преступления;
- осуществляемое группой лиц, виновных в совершении преступления;
- совершаемое организованными преступными группировками;
- со стороны сотрудников правоохранительных органов.

При этом действия лиц в предложенной классификации предлагаются условно делить на активные, когда совершаются целенаправленные действия, и пассивные. Так, бездействие в виде утаивания информации также препятствует раскрытию и расследованию преступлений⁶.

Отдельные лица, например, незаконно хранящие ружье и использующие его для охоты и личного промысла, не так опасны, как те, для которых оборот оружия — это способ извлечения дохода в результате поставок в места вооруженных конфликтов.

⁶ Семенов В. В. Противодействие расследованию преступлений: виды, способы и этапы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 280–284.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Антонов Я. А. Организация обеспечения подразделениями полиции прав человека в условиях особого правового режима контртеррористической операции	3
Бекмурзинова К. К. Понятие доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения	5
Бутина В. В. Значение передачи вещи при переходе права собственности на объекты недвижимости	7
Волк-Леонович С. О. О влиянии исторической школы права на изучение Древнерусского государства в отечественной юридической науке: к постановке проблемы	10
Денисенко Е. М. О злоупотреблении в публичном праве	13
Исламова В. Р. Категория «моральный вред». Российская и западная традиции	15
Кулик О. В. Ведомственное правотворчество: традиция или необходимость?	18
Логинова Т. Д. Состояние и перспективы развития обеспечения информационной безопасности личности в России	20
Лоос Е. В. Защита прав личности, ее способы и формы: понятийный аспект	22
Москаленко Г. Е. Свобода как принцип солидарности в учении П. И. Новгородцева	24
Никитина А. Е. Правовая основа деятельности полиции в обеспечении права на свободу совести	26
Хасанов Д. Р. Правовая политика: понятие и характерные признаки	29
Юрицин А. А. Некоторые проблемы полиморфизма признаков государственной власти	31
Язов А. Н. Соотношение понятий суверенитета и самодержавия в либеральной юридической мысли конца XIX — начала XX вв.	33

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Алтанхундага Ц. Понятие и содержание адаптации осужденных в местах лишения свободы в Монголии и Российской Федерации	36
---	----

Вандан-Иш А. Момент окончания посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа в Уголовных кодексах Российской Федерации и Монголии	39
Гошт И. А. Общественная опасность нарушения правил миграционного учета	41
Ивушкина О. В. Основные способы совершения краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта (на примере Восточно-Сибирской, Забайкальской, Дальневосточной железных дорог)	43
Колесников М. В. Разграничение превышения должностных полномочий и злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285 ⁴ УК РФ)	45
Лебедев С. В. Квалификация преступных посягательств на объекты недвижимости в жилищной сфере.	48
Лупырь М. В. Развитие уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, в Уголовном кодексе Российской Федерации.	50
Миронова Г. Н. О месте предмета мелкого коммерческого подкупа в структуре состава преступления, предусмотренного ст. 204 ² Уголовного кодекса Российской Федерации.	52
Мурин Д. А. Общественная опасность прикосновенности к преступлениям против собственности	54
Пурэвжал Н. Злоупотребление должностными полномочиями в монгольском уголовном законодательстве	56
Рашитов Л. Р. Противодействие преступлениям в сфере незаконной миграции в современной России	59
Родивилин И. П. Идентификация пользователей пунктов коллективного доступа к сети Интернет как эффективная мера противодействия киберпреступлениям	61
Чепик И. В. Особенности ответственности лица, самовольно оставившего место отбывания административного ареста.	63
Чулуунбаатар Б. Отмена условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в законодательстве России и Монголии.	66
Энхтур Ж. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде штрафа в Монголии.	69

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Абрамова Л. Л. Общественная опасность деяния как обязательный элемент оценки фактических оснований для начала предварительного расследования	72
Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования: постановка проблемы	74

Брызгалов Г. Е. К вопросу об использовании положительного опыта осуществления предварительного расследования по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов физических лиц, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ	76
Вормсбехер И. А. Права и обязанности граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий.	79
Даш Т. Основания ареста подозреваемого по УПК Монголии.	81
Жайтуменова А. Р. Криминалистически значимые элементы механизма преступления, предусмотренного ст. 158 ¹ УК РФ.	83
Кирпиченкова-Черная Е. А. О реальности привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение мошенничества в виртуальном пространстве	86
Лаврентьев В. А. Проблемы законодательного регулирования иммунитета прокуроров в оперативно-розыскной деятельности.	88
Маленков П. А. Понятие и сущность прерывания предоставления услуг связи при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органами внутренних дел	91
Овчаренко Н. Б. Особенности участия специалиста при производстве следственных действий при расследовании хищений путем присвоения и растраты	93
Парадникова Г. А. Определение оснований для принятия решения о допуске или отстранении законного представителя несовершеннолетнего от участия в деле	95
Полежаева Е. Н. Сроки содержания под стражей: правовое регулирование, реализация, оптимизация.	97
Рэнцэндорж Г. Реабилитирующие основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по УПК Монголии и УПК Российской Федерации.	100
Сидорова К. С. Использование следователем (дознавателем) идентификаторов личности в сети Интернет	102
Танков А. Ю. Механизм слеодообразования — как элемент криминалистической характеристики краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище	105
Тумуртоого Т. Детектив как участник уголовного судопроизводства по УПК Монголии.	107
Фирсов В. А. Проблемные вопросы обеспечения государственной защиты сотрудников органов внутренних дел	109
Черкасов В. С. Позиция Европейского суда по правам человека по поводу правомерности получения компьютерной информации с электронных носителей при расследовании уголовного дела.	111
Шаров К. В. Направления противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, со стороны субъектов процесса расследования	114

Научное издание

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

Редактор О. В. Арефьева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор Н. М. Серова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 21.11.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 110 экз. Заказ № 196.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7